

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

ЗОНА МОЛЧУНОВ

ПЕРВАЯ ТИШИНА

ТОМ 3

Зона молчунов

Валерий Гуров

Первая тишина. Том 3

«Автор»

2026

Гуров В.

Первая тишина. Том 3 / В. Гуров — «Автор», 2026 — (Зона молчунов)

Сначала люди начали шептать: «тише». А потом — убивать за любой звук. Никто не понял, что произошло. Привычный мир рухнул за считанные часы. Так началась Первая тишина. Сергей Логинов попал в 2026 год из 1999-го — прямо в первый день катастрофы. Вокруг хаос, кровь и обезумевшие люди, а в полицейских базах он числится мертвецом. Только Первая тишина его не берёт. Теперь Сергею нужно выжить, спасти тех, кто ещё держится, и найти того, кто запустил катастрофу. Потому что Первая тишина не случайность. И тот, кто её запустил, опаснее молчунов.

© Гуров В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	57
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Валерий Гуров

Первая тишина. Том 3

Глава 1

Я собрал своих у гаража и первым делом рассказал, что только что приключилось. Понятное дело, что без нюансов и тех подробностей, которые им не обязательно было знать. Но в целом ситуацию обозначил понятно. На частоте, которую знали очень и очень немногие, появился сигнал о помощи.

И не обращать на него внимания или сделать вид, что послания нет, — точно не выйдет.

— Ну? — первым заговорил Дмитрий. — Ты ведь сейчас скажешь, что опять собрался наружу?

Я сложил листок с записанной морзянкой пополам и сунул в карман.

— Собрался.

Дима шумно выдохнул, надув щёки.

— После всего, что сегодня было?

— Именно после всего, что сегодня было.

Дмитрий ткнул пальцем в сторону ворот.

— Там где-то ходит толпа эзков, Серёг. Белые метки ведут почти через наш район. Ты только что притащил ещё одного больного ребёнка, а у нас самих людей уже больше, чем нормальных мест. Теперь кто-то пищит в рацию, и ты снова пошёл?

— Ещё не пошёл, — возразил я. — Сначала я решу, кто остаётся, а кто идёт со мной и что будет делать, пока меня нет.

Я видел, что Дмитрий готов спорить и дальше, и мне, разумеется, было что ответить. Однако Инна Павловна его опередила.

Она вышла из медбокса, вытерла руки о халат и подошла ближе. Правда, не для того, чтобы меня поддержать.

— Сергей, у меня Максим лежит еле живой, — заговорила она. — У меня мать Артёма с температурой. Теперь ещё Сенька. Если ты уйдёшь, а тут что-нибудь начнётся, кто будет всем заниматься?

Я выдержал вопросительный взгляд Инны Павловны и спокойно ответил:

— Вы будете заниматься больными.

— Вот спасибо, назначил.

— Остальные работают по тем правилам, которые уже получили.

Инна Павловна недовольно прищурилась.

— Очень легко всё получается. Только вот если с тобой что-то случится, у нас не останется никаких правил...

— Легко давно закончилось, — возразил я. — Я думаю, что вы это понимаете не хуже меня.

Как и Дмитрий минуту назад, доктор хотела возразить, но я уже повернулся к карте, давая понять обоим, что разговор закончен.

Я прошёл в гараж, подошёл к столу и развернул карту, прижав края батарейками, чтобы бумага снова не свернулась. Садовая находилась в самом центре Ростова. До неё невозможно было добраться через частный сектор, обойдя широкие улицы. Поэтому опасения своих людей я хорошо понимал. Выход предстоял куда более сложный, чем все предыдущие вместе взятые.

Дмитрий помялся, но всё-таки подошёл ближе.

— Это может быть ловушка, — заявил он.

— Может, — я не стал отрицать.

— И сигнал о помощи пришёл на частоте, которую здесь никто не знает...

Я покосился на Диму. Сходу сложно сказать, из-за чего он больше переживал — то ли от страха, что я возьму его с собой на эту вылазку, чего мужику, ясное дело, не хотелось. То ли, как и Инна Павловна, мужик переживал, что из этой вылазки я не вернусь, чего, кстати, нельзя было исключать. И тогда наша новосформированная община вмиг могла развалиться на раз-два.

— Вот поэтому я и пойду, — сухо ответил я. — Если это ловушка, ставили её под тех, кто знает частоту. Если я пошлю вместо себя тебя или Павла, то только «подарю» им одного из вас и останусь всё с теми же вопросами.

Элина тоже подошла к столу и прекрасно слышала мои слова.

— Ты не можешь отправить другого, — поддержала меня девчонка.

— Не могу.

Она провела пальцем по маршруту.

— Тогда идти надо быстро. И желательно по самому скрытому маршруту, Серёж. Дима и Инна Павловна правы в том, что рядом шастают уголовники, — Элина развёрнутой проговорила свою позицию. — И боюсь, что, если им вздумается сунуться в наш кооператив, когда нас здесь не будет, ничем хорошим это не закончится.

Дмитрий посмотрел на девчонку.

— Ты тоже собралась туда идти?

— Да, — Элина выдержала его взгляд.

— Отлично. Может, тогда вообще ворота нараспашку оставим и всей компанией пойдём?

Элина спокойно закрыла карту ладонью.

— Сергей знает, зачем идёт. Я умею стрелять и хорошо знаю центр города. А ты в наше отсутствие присмотришь за остальными. У каждого своя работа.

Делегацию для выхода на Садовую не формировать не собирался. Да и о составе этой делегации ещё не думал. Но Элина вполне резонно только что обосновала свою кандидатуру.

— Я, если что, могу уступить тебе место, Дим, — улыбнулась девчонка, глядя на Дмитрия.

Тот сразу затряс головой, как будто услышал непристойное предложение.

— Я думаю, Сергей прав — я здесь куда как больше пригожусь. Я ни стрелять толком не умею, ни центра нормально не знаю. Так что присмотрю за остальными в ваше отсутствие...

Павел, стоявший возле входа, кашлянул.

— Это ты за мной присматривать собрался, а может, наоборот? Я бы на твоём месте, Серёг, забрал у него ствол и отдал мне.

Я повернулся к Павлу.

— Вот когда будешь на моём месте, тогда и карты в руки.

У Павла хватило мозгов не вступать в спор, он лишь развёл руками.

— Как скажешь, командир. Я в чужой монастырь со своим уставом не хожу.

Я перевёл взгляд на Дмитрия.

— Ты остаёшься.

Он нахмурился, но я уже убедился в том, что именно этого мужик и хотел изначально. Но, видимо, чтобы не прослыть трусом, Дмитрий несколько секунд смотрел на меня, затем качнул головой.

— Ты специально оставляешь меня, потому что знаешь: я буду спорить.

— Я оставляю тебя, потому что здесь нужен человек, который закроет ворота перед любым, кто попытается войти.

Он перестал усмехаться.

Я подозвал Артёма.

— В моё отсутствие никуда отсюда не отходи. Если будут передавать другой сигнал — записывай.

— Я понял.

— Частоту не меняй и сам в эфир не выходи.

Артём утвердительно кивнул.

— Ты сегодня уже один раз решил, что знаешь лучше остальных, как надо действовать. Второй попытки пока не будет.

Парень опустил глаза.

— Понял я...

Я посмотрел на трансивер.

— Ты сможешь держать его включённым? Питание выдержит?

— Да куда оно денется. Часа четыре точно продержится. Может, даже дольше.

— Тогда экономя.

Артём потянулся к регулятору громкости.

— Сделаю тише.

Я видел, что парень меня услышал, но я на всякий случай обратился к Семёну Ивановичу:

— Будешь на подстраховке.

Старик хмыкнул, этим показывая, что задача ему понятна.

Элина тем временем свернула карту и убрала её себе за пазуху. Правильное решение, кстати. Я сам думал об этом, чтобы иметь возможность заносить на карту белые метки, которые наверняка встретятся нам по пути.

— Кто идёт? — спросила девчонка. — Или ты да я, да мы с тобой?

Я помолчал, продумывая вопрос.

— Пойдёт Никита.

Пацан стоял у входа в соседний гараж-медбокс и делал вид, что оказался здесь случайно и ему до происходящего нет никакого дела.

Элина удивилась моему выбору, как и Дима, кстати. А вот Семён Иванович, видевший пацана в деле, одобрительно показал большой палец.

— Никит, подойди, — позвал я пацана.

Тот хоть и делал вид, что «сами мы не местные», сразу оживился и даже не подошёл, а подбежал.

— Я знал, что вы меня возьмёте, дядь Сергей.

— Садовую покажешь? — подмигнул я. — Задача — добраться до места в целости и сохранности. Учитывая специфику, которую ты мне рассказывал.

— Покажу, канеш, ваще не вопрос! — выпалил пацан и довольно фыркнул.

Я видел, как ему важно чувствовать собственную значимость.

Лена появилась следом за ним. Видимо, услышала последние слова.

— Вы серьёзно хотите взять его с собой? Мальчика? Он только сегодня вернулся из того дома.

— И лучше всех знает этот район, — возразил я.

Никита сразу посмотрел на неё с торжествующим видом.

— Слышали, тётъ Лен?

Лена вздохнула. Я прекрасно понимал, что на этого мальчишку ей, может быть, и не плевать в прямом смысле этого слова. Но Никита, всё это время торчавший в боксе рядом с Сенькой, помогал и Инне Павловне, и Лене. И весь секрет её протеста заключался в том, что она не хотела лишаться такой помощи, потому что валилась с ног от усталости.

Логика была вполне ясной. Лене было необходимо заботиться не только о себе, но и о своей дочери, так не вовремя заболевшей. А ещё и в медбоксе помогать в прежнем объёме.

— А Лиза останется? — прошептала Лена с явной грустью в голосе.

— Останется, — подтвердил я. — Я попрошу её вам с Инной Павловной помочь. Лена не смогла сдержать вздох облегчения.

— Попросить ты её, может, и попросишь, — прокомментировал Семён Иванович. — Вот только эта глухая девка ещё та шельма — глаз да глаз нужен.

— Вот и присмотришь за ней, — ответил я.

— Ты прям из меня воспитателя сделал, — беззлобно хмыкнул старик.

На этом разговоры закончились, и люди пошли заниматься каждый своим делом. Со мной остались только Никита и Элина.

До Садовой было несколько километров. И я понимал, что по прямой мы бы добрались до места быстрее. Да и кроме как по прямой, как я уже подмечал выше, до центральной улицы города было добраться проблематично. Это было то самое место между Будённовским и Ворошиловским проспектами... забитое машинами, которые уже никуда не поедут.

Но существовал неплохой шанс, что Никита знал нужные проходы. А если пусть мизерный, но шанс был, следовало им воспользоваться.

Дмитрий всё ещё стоял рядом.

Я вытащил пистолет, проверил магазин и убрал оружие за пояс. Элина тоже не теряла время и уже осматривала свой пистолет. Никита притопывал возле входа, явно пытаясь показать, что он готов идти уже минут как десять.

Мы уже собирались выдвигаться, как Артём изнутри гаража вдруг поднял руку.

Трансивер зашипел, и через несколько секунд пошли сигналы. Короткие и длинные. Артём, как я и сказал, сразу придвинул бумагу и начал записывать. Сигнал был тот же самый... Сначала повторился адрес. Потом снова пришло слово: СПЕШИТЕ.

Мы с Элиной переглянулись и направились к воротам.

Дмитрий уже стоял там, на дежурстве. У самой створки он чуть хлопнул меня по плечу.

— До темноты вернётесь, Серёг?

— Постараемся.

Мужик открыл внутренний засов. Створка приоткрылась ровно настолько, чтобы мы прошли по одному.

Первым выскользнул Никита. Следом пошла Элина. Я задержался на секунду у ворот и посмотрел назад, только затем выйдя наружу.

Створка сразу закрылась, и за ней лязгнул засов.

— Ну что, дядь Серёж? Пойдёмте?

Он тут же показал рукой в сторону переулка.

— Нам туда.

Мы двинулись к Садовой. Отойдя от гаражей метров на двести, Никита вдруг свернул с дороги и полез в кусты.

— Нам вообще-то в другую сторону, — сказала Элина.

— По улице ближе, — согласился пацан. — Только там нас любой дурак увидит. А дядь Сергей сказал, чтобы окольными путями двинули.

Он протиснулся между кустов и махнул рукой.

— Сюда.

Паренёк нырнул между кустами. Элина пропустила меня вперёд и двинулась последней. Проход вёл через заросли и оказался узким и даже не утопанным. Под ногами валялись куски шифера, пластиковые бутылки и встретила даже старая велосипедная рама. Чёрт ногу сломит. Но Никита шёл уверенно, даже под ноги не смотрел.

Сразу после этих куцерьей, как выразилась Элина, начинался какой-то заросший заброшенный участок. Высокая трава доходила почти до пояса, среди неё торчали остатки металлической теплицы. Дальше стоял деревянный сарай, покосившийся набок.

Никита провёл нас за сараем и остановился возле сетчатого забора.

— Тут перелезаем.

Я посмотрел на сетку, Элина сзади тихо усмехнулась.

Никита уже полез наверх. Я придержал сетку, дождался, пока он переберётся на другую сторону, потом пропустил Элину, посадил и перелез следом.

Мы оказались на чужом дворе одного из домов частного сектора. Судя по тому, что я с этого места видел памятник Стачки, мы хорошо так срезали путь.

Дом был явно жилой, но теперь выглядел пустым. Окна закрыты ставнями, дверь тоже заперта. По всей видимости, хозяева рассчитывали сюда вернуться. И у них явно было время для организованного отхода. Повезло, по всей видимости, далеко не всех конец света застал врасплох.

Никита сразу пошёл вдоль забора.

— Через калитку нельзя.

— Почему?

— Скрипит, петли несмазанные, а там ниже по дороге тронувшиеся — набегут, — сказал пацан с важным видом приглашённого эксперта.

Я подошёл ближе.

К ручке была привязана тонкая проволока. Второй конец уходил вверх, к жестяной банке, висящей под навесом.

— Это хозяева сделали? — спросил я.

Никита пожал плечами.

— Давно висит. Я здесь пару раз был, уже висела...

Любопытно, потому что никакой логики для хозяев дома в таком решении не было.

Мы обошли калитку через пролом возле старой яблони.

Через два двора Никита привёл нас к низкому кирпичному гаражу. Крыша почти при-
мыкала к соседскому забору.

— Тут наверх.

Элина остановилась.

— Ты издеваешься?

— Детство вспоминай, — подбодрил я девчонку. — Наверняка же по деревьям лазила?

— Серёж, я вообще-то даже в детстве по деревьям не лазила, — она закатила глаза. — И не собиралась начинать!

— Через улицу дольше и сильно опаснее, — объяснил пацан. — Там белая метка.

— Где? — заинтересовался я.

Никита показал в сторону улицы. Я подошёл к краю забора и осторожно выглянул через щель. На противоположной стене, почти под самой крышей, действительно стоял короткий белый штрих. Всего один, а значит, здесь, если наши выводы были правильными, никто больше не проходил. Если бы проходил, таких меток было бы несколько.

— Элин, занеси в карту эту отметку, — попросил я.

— Сейчас?

— Лучше сейчас, да.

Я вернулся к гаражу, дождался, пока Элина сделает отметку в карте. Никита уже подтянулся на крышу гаража. Когда девчонка закончила, я помог ей залезть на гараж.

Крыша оказалась покрыта старым рубероидом. В нескольких местах он вздулся пузырями. Никита шёл по самому краю, ближе к стене.

— В середину не лезьте, — предупредил он.

— Провалимся?

— Скорее всего. Лучше не рисковать.

Мы перебрались на соседний участок и спрыгнули возле сарая.

Дальше маршрут снова ушёл через дворы. Никита каждый раз заранее показывал наиболее безопасный маршрут. Он знал район удивительно хорошо. Следовало отдать пацану должное.

Молчуны здесь действительно были. Я несколько раз замечал их небольшие стайки. Пока они не представляли никакой опасности. Видел я и другое — ещё несколько маленьких белых стрелочек, которыми кто-то помечал маршрут. И этот кто-то размещал их продуманно. Часть знаков оставляли снаружи, часть прятали внутри дворов. По таким меткам можно было двигаться скрытно и понимать, куда идти дальше.

Похоже, что те, кто всё это затеял, тоже понимали, что идти через центральные улицы и главные дороги — не самая лучшая затея. Разумно, но меня конкретно так напрягало, что мы можем встретить здесь незваных гостей. Ну или сами можем стать такими незваными гостями — это как на ситуацию посмотреть, с какой стороны.

Мы пошли дальше.

Через несколько минут впереди показался узкий проход между глухой стеной дома и длинным металлическим забором. Посередине валялся мусор. Старые пакеты, куски картона, несколько пластиковых бутылок.

Одна бутылка стояла вертикально. Я увидел её и сразу остановился, нахмурившись.

— Никита.

Пацан как ни в чём не бывало обернулся.

— Что, дядь Сергей?

— Назад.

— В смысле — тут нормально.

— Я сказал, назад, — твёрже повторил я, отбивая у пацана желание спорить.

Я уже успел подметить, что Никите нравится Элина и он всячески хочет перед ней выпендриться. А когда я командую, что делать, у него выпендриться не выходит.

Пацан всё же остановился и попятился, вопрошающе кивнув.

Я показал на бутылку. Она была поставлена возле самого края прохода. Рядом торчал маленький камень. От бутылки к забору тянулась почти невидимая леска.

Элина тоже заметила и присела, чтобы лучше рассмотреть.

— Хорошо спрятали, — прошептала она.

Никита выругался себе под нос.

— Вчера этого не было, — начал он оправдываться, понимая, что упорол косяк.

Я подошёл ближе и посмотрел на проход.

Мусор лежал по краям. Середина дорожки была подозрительно чистой. Будто кто-то специально отодвинул всё ногами и освободил узкий коридор, по которому можно было свободно пройти.

— Стойте здесь, — сказал я.

И прошёл вперёд сам. Леска шла вдоль земли, потом поднималась к старому металлическому листу, подвешенному за забором. Стоило задеть её ногой, бутылка падала на камни, а лист бился о стену.

Я осторожно переступил через леску и посмотрел дальше. Там метра через три лежала доска, а под ней виднелось битое стекло.

Шума хватило бы... но вопрос в том, что на такой звук можно было среагировать лишь в непосредственной близости от ловушки.

Я вернулся обратно, снова переступая максимально осторожно.

— Обходим.

— Там же проход есть, — снова заупрямился Никита. — Можно ж леску снять?

Пацан задумался и поймал на себе взгляд Элины, которая смотрела на него практически в упор.

— Быстро учишься?

— Угу...

— Тогда учись слушать Сергея.

Мы вернулись на один двор назад и пошли через сарай. Пришлось протискиваться между сломанным шкафом и мотоциклом со спущенными шинами. Из сарая вышли через боковую дверь.

Я подошёл к забору и замер. К одной из досок была привязана тонкая проволока. Она уходила за стену сарая. Там висели две жестяные банки с гайками внутри.

— Значит, кто-то работал здесь недавно, — прошептал я.

Элина оглянулась.

— Думаешь, хозяин дома?

— Возможно. Поэтому тихо, без лишних движений, уходим отсюда.

Глава 2

Нам удалось выйти к Текучёва без ненужных приключений. Оттуда до Садовой было рукой подать — оставалось подняться пару кварталов вверх, и пожалуйста. По сравнению с тем расстоянием, что мы прошли, суший пустяк.

Мы вышли на улицу Варфоломеева, прошли мимо офиса легендарного ростовского издательства «Феникс». Надо же, а ведь столько лет прошло, и издательство до сих пор держалось на плаву. А судя по убранству пространства, держалось вполне уверенно.

Жаль только, что книги больше практически некому читать...

Никита посмотрел на статуэтку птицы «Феникс», стоявшую во дворе, и как-то грустно вздохнул.

— У нас воспитка постоянно книги «Феникса» покупала... царство небесное. Я раньше читать не любил, а сейчас бы с удовольствием почитал чё-нибудь.

Никита, по-прежнему шедший впереди, нашёл ещё одну белую стрелку. Она была нарисована возле самого фундамента одного из зданий. Стрелка указывала почти туда же, куда мы шли.

Элина тоже это заметила и чуть вздрогнула. Ну да, неприятно осознавать, что каким-то нехорошим людям с нами по пути. Однако свою работу девчонка сделала сразу же. Достала карту и зафиксировала очередную метку, которых с момента нашего выхода из гаражного кооператива набралась целая дюжина. Надо будет потом сесть и посмотреть карту города уже с новыми вводными. Пока что какой-то хоть сколько-нибудь упорядоченной планировки я не видел в упор.

— К Садовой идёт... — Элина вздохнула. — Не нравится мне это, Серёж.

Впереди оставалось несколько домов. Дальше пришлось идти вдоль стены старого дома. Возле водосточной трубы я заметил свежую белую черту. Под ней стояла ещё одна. И вот такую картину я видел впервые...

Я остановился и указал на метку Элине.

— Вот.

Элина подошла ближе.

— Две?

— Утром возле магазина мужчина добавил вторую линию точно так же. Значит, здесь проходили как минимум дважды разные люди, — объяснил я.

— Может, тоже метку оставим? — усмехнулась девчонка.

Я ничего не ответил, только провёл взглядом по стене. Выше, почти под крышей, виднелся ещё один белый штрих. И очень занимательно было бы получить ответ — какого чёрта его поставили именно там? Наверху, чтобы его увидеть, следовало постараться.

Правда, и стрелка показывала в другую сторону и была всего одна.

— И это тоже маршрут? — спросила она. — Если так, Серёж, то, похоже, у них сломался навигатор.

Элина задрала голову.

— Или один знак для улицы, а второй для дворов?

Я снова ничего не ответил, потому что никаких мыслей на этот счёт у меня не было, и посмотрел на Никиту.

— Сколько осталось?

Он показал вперёд.

— За тем домом Садовая, и там метров двести до Григория Семёныча топать.

— Через улицу в открытую пойдём?

Никита задумался.

— Можно через дворы теоретически, но обычно ворота там всегда закрыты.

— Пойдём через дворы и проверим, — заключил я. — Они сквозные?

— Ну да.

Мы подошли к одному из дворов, и проезд там действительно оказался перекрыт шлагбаумом. Автомобиля у нас не было, поэтому все трое мы перелезли через шлагбаум и оказались во внутреннем дворе.

Мы двинулись вперёд — стоило пройти двор, и мы оказывались аккурат на Садовой. Оказываться в замкнутом пространстве, которое представлял двор, удовольствия было немного. Но явно больше, чем если бы мы шли по главной улице города, кишевшей молчунами. Хотя нельзя было исключать, что какая-нибудь тварь могла просочиться во двор.

Однако молчунов внутри не оказалось, со стороны Садовой двор перекрывали тяжёлые металлические ворота. Я подошёл к ним, окинул взглядом конструкцию. Удивительное дело: воротам явно было лет сто, если судить по техникековки, а в движение их приводил электропривод. Ну а поскольку электричества сейчас не было, ворота, по сути, были открыты. Толкни — и мы беспрепятственно оказывались на Садовой.

Никита был пацанёнок сообразительный и сразу понял то же, что понял я. Ну и, счастливый, что на ура отработал роль проводника, решил ворота открыть.

— Стой, — я положил руку на плечо пацана, останавливая его.

— Так мы пришли, дядь Серёж, там же Садовая!

Я медленно покачал головой и приложил указательный палец к губам. Увы, всё было не так просто, как бы хотелось.

Я кивком позвал Никиту идти за мной, желательно беззвучно. Мы подошли к воротам, и я показал указательным пальцем на ухо, давая понять, чтобы пацан прислушался. Никита быстро сообразил, что я хочу, прислушался, подойдя к воротам практически вплотную.

И через несколько секунд глаза у пацана расширились. Никита слышал хуже из-за ваты, вставленной в уши, но теперь услышал и он.

Из-за ворот слышалось едва различимое шипение молчунов. Молчуны были там, и, судя по звукам, тварей было как минимум несколько.

Там впереди, практически сразу за воротами, стоял дом, из которого несколько часов подряд передавали SOS. Там же находился человек, знавший про белые метки. Оставалось рукой подать до дома этого радиолюбителя. Но весь вопрос заключался в том, что делать с молчунами.

Никита отрывисто закивал, всё поняв. На его висках заблестели крупные бисеринки пота. Понял пацан, что было бы, открой он ворота, как хотел.

Элина сзади громко сглотнула, но держала рот на замке. Я же подошёл к воротам вплотную, нашёл щель и посмотрел через неё. Зрелище было так себе...

Молчунов оказалось куда больше, чем десять или двадцать. Садовая буквально кишела ими. И пройти по улице незамеченным не представлялось возможным.

Как и невозможно было как-то отвлечь тварей или увести в другое место, что до этого мы делали не единожды. Молчунов было слишком много.

Я ещё несколько секунд смотрел через щель между створками. Картина от этого лучше не становилась. Садовая кишела молчунами, твари бесцельно бродили между брошенными машинами, толкались возле тротуаров, цеплялись плечами за двери автомобилей и друг за друга. Я насчитал несколько десятков только на том участке, который видел отсюда, и быстро бросил это занятие. Дальше по улице их наверняка хватало с избытком.

— Картина Репина «Приплыли», — прошептала Элина, всё ещё стоявшая рядом. — Что делать, Серёж? Тут голяк. Судя по тому, сколько их на улице, дальше будет примерно то же самое.

Я отошёл от ворот и протянул руку.

— Элин, карту.

Она сразу полезла за пазуху, вытащила сложенный лист и передала мне. Я присел возле стены дома, положил карту на колено и быстро нашёл Садовую. Никита тут же пристроился сбоку и вытянул шею, хотя, судя по выражению его лица, разбирался в карте примерно так же хорошо, как я в фигурном катании.

— Тридцать седьмой, — сказал я. — Где мы сейчас?

Элина присела рядом, забрала у меня карту и провела пальцем вдоль улицы.

— Вот этот двор. Должен быть он, если мы правильно вышли через Варфоломеева.

— Правильно, — уверенно заявил Никита. — Я точно знаю.

Элина снова посмотрела на карту и вдруг остановила палец.

— погоди. Тогда тридцать седьмой вот здесь.

Я посмотрел туда, куда она показывала.

Нужный дом стоял следующим.

Я поднялся, оглядел двор, затем повернулся к глухой стене слева.

— Выходит, нам туда, — сказала Элина.

— Выходит.

Она кивнула в сторону ворот.

— А между нами и домом целая улица молчунов.

Я ещё раз посмотрел на карту, потом поднял голову и оглядел двор.

— Улица между нами и домом только на карте.

Элина нахмурилась. Я повернул карту к ней и ткнул пальцем сначала в дом, во дворе которого мы находились, затем в соседний.

— Тридцать седьмой стоит следующим. Нам на Садовую вообще выходить не надо.

Мы двинулись вдоль заднего фасада старого дома. Двор был тесным, зажатым каменными стенами, с несколькими припаркованными машинами и мусорными контейнерами у дальней арки. Над головой тянулись провода, из окон второго и третьего этажей торчали кондиционеры, а кое-где ещё висело забытое бельё. Забытое уже навсегда.

Старая ростовская застройка здесь стояла плотно, дом к дому. С улицы между зданиями почти не оставалось промежутка, а со двора границы угадывались по разному цвету кирпича, водосточным трубам и небольшому излому стены.

Никита остановился и показал вперёд.

— Во, этот дом.

Я посмотрел на табличку у угла здания.

Тридцать семь.

— Пришли, — довольно сообщил пацан.

Мы подошли ближе. Со двора в дом вела тяжёлая металлическая дверь. Раньше здесь, видимо, был обычный подъездный вход, однако хозяева успели укрепить его.

Я взялся за ручку и потянул. Дверь даже не дрогнула. Попробовал ещё раз, уже сильнее, потом наклонился к замку.

Элина подошла сзади.

— Вскроешь?

— Не получится.

Один хороший удар мог решить вопрос с дверью. Заодно его слышали бы молчуны на всей ближайшей части Садовой, а проверять, насколько хорошо они ориентируются на звук, мне сейчас совершенно не хотелось.

Никита уже осматривался по сторонам.

— Может, через окно? — предложил пацан.

Я повернулся к первому этажу. Все окна со двора закрывали решётки. Старые, сварные, из толстого металлического прута. Некоторые покрылись ржавчиной, однако выглядели вполне крепкими.

Элина подошла к ближайшему окну и постучала пальцем по железу.

— Стекло выбьем?

— Решётку чем снимать будешь?

Она посмотрела на прутья.

— Ладно. Вопрос снимается.

Я прошёл вдоль стены, проверяя окна одно за другим. Картина везде была одинаковой. Решётки, закрытые рамы и никакого тихого способа попасть внутрь.

Возле угла дома я остановился. Водосточная труба шла до самой крыши. Старые железные хомуты крепили её к стене через каждые полтора-два метра. На уровне второго этажа рядом с трубой находилось окно, а под ним тянулся узкий каменный выступ.

Никита проследил за моим взглядом и сразу всё понял.

— Я залезу!

Элина повернулась к нему.

— Даже не думай.

— Да я умею! — возмутился пацан. — Я по таким трубам сто раз лазил.

Я подошёл к стене и несколько раз дёрнул трубу. Металл скрипнул. Нижний хомут немного гулял, остальные держались крепко.

Никита уже стоял рядом.

— Дядь Серёж, да я лёгкий.

Я ещё раз проверил крепления и посмотрел вверх. До окна было около четырёх метров. Для меня труба выглядела слишком хлипкой. Для худого Никиты шансы имелись вполне приличные.

Элина поняла, к чему всё идёт.

— Серёж, серьёзно?

— Другого тихого входа я пока не вижу.

— А если он сорвётся?

— Не сорвусь! — тут же заявил Никита.

Я указал на трубу и окно.

— Залезаешь вверх. Если крепление начинает отходить от стены, сразу спускаешься. Попал в квартиру, вышел в подъезд и открыл нам дверь. По комнатам не шастаешь, ничего не трогаешь и никуда дальше лестницы не лезешь. Понял меня?

— А если там кто-нибудь есть?

— Сразу назад.

Пацан перестал улыбаться. Я снял с него рюкзак и поставил возле стены.

— Тогда полез.

Никита только этого и ждал. Схватился за трубу, упёрся носком кроссовка в выступ кладки и начал подниматься. Первые полтора метра прошёл быстро, почти привычно, потом притормозил, когда металл под его руками протяжно скрипнул.

Я сразу встал ближе и придержал трубу снизу.

— Не дёргайся. Медленно.

— Я и так медленно, — прошептал он сверху.

Элина стояла рядом, задрав голову. По ней было видно, что идея девчонке по-прежнему совершенно не нравится, однако спорить она уже не стала.

Никита добрался до первого хомута, переставил правую ногу выше и подтянулся. Труба снова скрипнула и на этот раз громче.

Мы все трое замерли.

Со стороны Садовой донеслось знакомое шипение. Молчуны находились совсем рядом, за стенами домов, и любой лишний шум мог добавить нам проблем.

Пацан снова полез вверх. Теперь уже осторожнее. Он нащупывал носками небольшие выступы между кирпичами, перехватывался руками и медленно продвигался к окну.

До второго этажа оставалось совсем немного, когда труба качнулась. Никита быстро среагировал и прижался к стене.

— Дядь Серёж...

— Не спеши.

Я сильнее упёрся обеими руками в металл.

— Перенеси вес на стену. Левой ногой ищи выступ.

Пацан пошарил носком по кирпичу, подтянулся ещё немного и добрался до узкого каменного выступа под окном. Осторожно поставил на него одну ногу, потом вторую и ухватился за подоконник.

— Забрался, — выдохнула Элина.

Никита уже возился с рамой. Через несколько секунд посмотрел вниз.

— Закрыто, — сообщил он.

— Открывай, значит.

— А как?

Я посоветовал ему стянуть майку и, аккуратно намотав на кулак, разбить окно. Он закивал, снял майку и обернул кулак. Примерился и ударил...

Раздался короткий хруст, и мы снова замерли. Со стороны улицы шипение стало чуть громче.

Никита ударил ещё раз. Стекло треснуло. Пацан придержал осколки тканью, аккуратно выломал небольшой кусок и просунул руку внутрь.

Секунду спустя щёлкнула оконная ручка.

— Есть!

Никита открыл створку, подтянулся и исчез в комнате. Через несколько секунд в окне снова появилась голова Никиты. Пацан показал нам большой палец и исчез окончательно.

Мы с Элиной остались ждать возле закрытой двери.

Я прислушался. За домом по-прежнему шипели молчуны. Иногда звук становился громче, потом снова удалялся. Видимо, твари бродили по Садовой туда-сюда и пока не проявляли к нашему двору особого интереса.

Элина подошла к двери и осторожно нажала на ручку. Заперто, ничего не поменялось. Она отпустила её и снова посмотрела наверх.

— Долго он... Может, дверь из квартиры открыть не может?

— Тогда вернулся бы к окну.

Прошла ещё минута.

Я не смотрел на часы, но чувствовал, сколько времени минуло. Для того чтобы пересечь квартиру, выйти на лестницу и спуститься вниз, Никите хватило бы секунд сорока. Даже если бы он по пути решил заглянуть в зеркало, полюбоваться собой и поправить причёску, двух минут всё равно оказалось бы с избытком.

Элина снова повернулась ко мне.

— Долго он?

Я подошёл вплотную к двери и приложил ухо к металлу. Сначала услышал лишь собственное дыхание, затем где-то внутри дома раздался короткий глухой удар. Будто что-то тяжёлое упало на пол.

Элина сразу вскинула голову.

— Слышал?

— Да.

Я дал Никите ещё несколько секунд. Дверь оставалась закрытой. В окне второго этажа никто не появился.

— Я иду за ним.

Элина удивлённо посмотрела на трубу.

— Как? Труба же твоего веса не выдержит!

Вопрос был на самом деле хороший. Я подошёл к стене и снова дёрнул водосток. Нижний хомут тут же жалобно скрипнул, верхний немного качнулся. Никиту эта конструкция выдержала исключительно благодаря его весу и везению. Со мной труба долго церемониться не стала бы.

Она посмотрела на стену.

— Может, всё-таки как-то выбьем дверь?

Я медленно покачал головой, даже не объясняя на этот раз, почему нет. Отошёл на несколько шагов и оглядел двор.

Неподалёку высился столб, от него к дому тянулись несколько линий. Силовые провода проходили высоко, через изоляторы. Ниже висел толстый кабель связи, закреплённый на отдельном стальном тросе. Один его конец оборвался и свисал почти до земли.

Я, недолго думая, пошёл к столбу. Долгое отсутствие Никиты вкупе со странным грохотом за дверью не оставляло никакого выбора.

Элина двинулась следом за мной.

— Серёж, а куда ты?

— Сейчас увидишь.

Я остановился возле оборванного кабеля и присел. Чёрная оболочка местами растрескалась, внутри виднелись тонкие жилы. Рядом шёл отдельный стальной трос, на котором раньше держалась вся линия.

Я взялся за свободный конец.

— Ты уверен, что тебя сейчас током не шарахнет? — насторожилась Элина.

— Это связь.

— А если ты ошибся?

— Тогда узнаешь первой, — я подмигнул девчонке.

— Очень смешно!

Я потянул кабель на себя. Крепление сопротивлялось, затем что-то наверху хрустнуло, и ещё несколько метров линии провисли. Мне нужен был только несущий трос. Пришлось повозиться с крепёжной скобой, потом я несколько раз резко согнул металл в одном месте и освободил конец.

Получилось метров шесть — в принципе, более чем достаточно для моей задумки.

Я расправил трос на земле и посмотрел на маленький балкон возле того окна, куда забрался Никита. Чугунное ограждение выглядело старым, зато крепления уходили глубоко в стену.

На конце троса я сделал широкую петлю и отошёл подальше от стены. Первый бросок вышел паршивым. Петля ударилась о стену и свалилась обратно. Элина предусмотрительно сделала шаг в сторону.

Я собрал трос и бросил снова. На этот раз петля зацепилась за край ограждения. Я уже успел натянуть трос, когда она медленно поползла по чугунному пруту и сорвалась.

Я снова собрал петлю, прикинул расстояние и бросил. Трос перелетел через ограждение, обвился вокруг крайнего прута и затянулся.

Я потянул, проверяя — держало хорошо.

Тогда я навалился на трос всем весом, несколько раз резко дёрнул и только после этого удовлетворённо кивнул.

— Следи за двором и воротами, — бросил я. — Я найду Никиту и открою тебе дверь.

Я проверил пистолет и убрал его за пояс так, чтобы оружие не мешало при подъёме. Потом обмотал трос вокруг предплечья, взялся обеими руками и поставил ногу на выступ кирпичной кладки.

Первые полметра дались легко. Дальше стало веселее — стена была старой, кладка местами осыпалась, а подходящих выступов хватало далеко не везде. Трос я использовал как опору. Тянул себя вверх руками, упирался ногами в кирпич и медленно поднимался.

Ещё метр.

Под правой ногой осыпался кусок раствора. Я качнулся, сильнее сжал трос и тут же снова нашёл опору, поднявшись ещё выше.

До балкона оставалось меньше метра. Пришлось упереться носком в узкий выступ, подтянуться и перехватиться правой рукой за нижний чугунный прут.

Тот выдержал.

Я поднялся ещё немного и перевалился через ограждение. Балкон был крошечным. Здесь едва хватало места для одного человека и старого деревянного ящика с землёй, в котором давно ничего не росло.

Я первым делом посмотрел вниз и показал большой палец. Элина стояла возле стены и смотрела на меня.

Оконная створка была открыта и вела в ту самую квартиру, куда забрался Никита. Я перелез через подоконник и оказался внутри.

В комнате стоял полумрак. Шторы были задёрнуты, на диване лежало сложенное покрывало, возле стены стоял телевизор. На столе осталась кружка с засохшим налётом на дне.

Никиты здесь не было.

А я сразу достал пистолет и прошёл дальше. Дверь комнаты была открыта. Коридор тоже пустовал.

— Никита, — тихо позвал я.

Ответа не последовало. Входная дверь квартиры вовсе оказалась распахнута. Значит, пацан вышел в подъезд. Я остановился возле порога, прислушался и медленно выглянул наружу...

Глава 3

Пацан, скорее всего, вышел в подъезд, как и договаривались. До двери внизу ему оставалось спуститься всего на один этаж. При его скорости я уже давно должен был услышать щелчок замка и голос Элины во дворе.

Я остановился на пороге и прислушался. Где-то внизу раздался едва слышный скрип. Потом снова стало тихо.

Я вышел на лестничную площадку. Подъезд был старый, с широкими ступенями и тяжёлыми чугунными батареями под окнами. Свет проникал через мутные стёкла и ложился на стены грязноватыми прямоугольниками. На площадке первого этажа лежал опрокинутый детский самокат.

И там же, возле батареи, я увидел Никиту.

Пацан лежал на боку, подвернув под себя руку. На виске темнела тонкая дорожка крови. Я быстро спустился вниз и присел рядом.

— Никита, — тихо позвал я.

Пацан никак не отреагировал. Я коснулся пальцами его шеи, ища артерию. Пульс был. Ровный, хотя и частый. Пацан дышал и был жив.

Я провёл ладонью возле его виска, не трогая рану, и увидел на ребре батареи свежий кровавый след. Значит, приложился именно сюда.

— Руки от мальчишки убрал. Медленно.

Голос раздался у меня за спиной — старый и хриплый.

Я замер. Через секунду послышался тихий металлический щелчок. Очень понятный звук... Похоже, мой новый знакомый был вооружён ружьём. И давал мне это понять.

— Я сказал, руки убрал, — повторил он.

Спорить было глупо, и я медленно поднял ладони.

— Спокойнее, — ответил я.

— Встань.

Я так же медленно, чтобы не провоцировать незнакомца, начал подниматься. Во время движения успел посмотреть на отражение в стекле подъездного окна. За моей спиной виднелась тяжёлая тамбурная дверь, приоткрытая примерно на треть. Держал её деревянный клин, забитый между полотном и полом.

В дверном проёме стоял человек. Длинный ствол ружья смотрел мне в спину через проём. Я наконец выпрямился, по-прежнему не делая никаких резких движений.

— Теперь оружие на пол, — приказал старик. — Медленно. За ствол двумя пальцами держись, полностью не бери хват...

Я опустил правую руку к поясу. Клин лежал совсем рядом с носком моего ботинка. Приказы этот дед отдавал осмысленные и, судя по всему, был человеком с опытом. Важная поправка, в нынешних реалиях — определяющая, можно даже так сказать.

— Правильно, — сказал старик. — Только без глупостей, мужик, мне терять уже нечего.

Я взялся двумя пальцами за рукоять пистолета... Нет, от ствола нельзя было избавляться ни в коем случае. Если он приложил пацана головой о батарею, ждать от незнакомца можно было всё что угодно.

И прежде всего — чего-то нехорошего. Поэтому, начав вытаскивать ствол, я резко выбил клин, придерживающий дверь, ногой.

Тяжёлая дверь сразу рванула обратно. Край полотна с силой ударил по ружейному стволу. Старик выругался, оружие дёрнулось в сторону, но выстрела не последовало.

Я ушёл с линии выстрела, выхватил пистолет и развернулся. Старик уже успел оттолкнуть дверь плечом и снова поднял ружьё.

Мы замерли друг напротив друга.

Он был лет семидесяти, может, чуть меньше. Небритый, осунувшийся, в старой клетчатой рубашке и тёмных брюках. Глаза у старика были красные от бессонницы. Ружьё он держал вполне уверенно, хотя пальцы слегка подрагивали.

Мой пистолет смотрел ему в грудь. Его ружьё — мне примерно туда же.

— Для начала опусти ствол, — сказал я.

— Это мой дом, и не тебе тут указывать, — отрезал старик.

— Возможно. А пацан лежит на полу с разбитой головой.

Старик быстро посмотрел на Никиту за моей спиной.

— Сам шарахнулся. Я вышел, он меня увидел, отскочил назад и башкой в батарею приложился, — поведал старик свою версию произошедшего.

— Очень удачно ты познакомишься с людьми.

— А ты в следующий раз через дверь заходи.

— Пробовал. Заперто.

Старик нахмурился сильнее.

— Кто ты такой?

Я посмотрел ему в лицо и вдруг понял, что старик кажется мне знакомым. Нет, не потому, что я знал: это, скорее всего, тот самый старик, которого мы искали. Нет... Здесь было что-то другое. Что именно — этого я пока понять не мог, но странное чувство узнавания поселилось в голове.

Не последнюю роль играл и тот факт, что морзянку старик передавал на той частоте, которую не должен был знать по определению. И этот второй факт, пожалуй, напрягал не меньше первого. Может, даже и больше.

Всё усложняло то, что я толком не видел его лица из-за того, что в квартире, в проходе которой он стоял, было темно.

— Григорий Семёнович? — спросил я.

Старик сразу насторожился. Ружьё осталось на прежнем месте, а палец лежал на спусковом крючке.

— Откуда знаешь моё имя? — сухо спросил он.

— Садовая, тридцать семь, — ответил я. — SOS. Потом «спешите». Я слышал ваш сигнал.

Старик чуть прищурился, явно не ожидав этого ответа.

— Где ты это слышал?

— Там, куда вы передавали.

— Я спросил, где именно? — процедил старик.

Я назвал частоту, внимательно наблюдая за реакцией. И наблюдал не зря: после моих слов он едва заметно изменился. Сначала старик посмотрел на мой пистолет. Потом перевёл взгляд на лицо. Несколько секунд он просто изучал меня, словно пытался вспомнить что-то давно забытое. Похоже, он испытывал то же самое чувство, которое испытывал я.

А потом палец старика медленно ушёл со спускового крючка.

— Откуда ты знаешь эту частоту? — спросил он уже другим голосом.

— Сначала убери ружьё. Потом поговорим, — выдвинул я встречное требование.

Старик будто не услышал и продолжал смотреть на меня. Однако через несколько секунд он вдруг вздрогнул. Мой палец уже вжался в спусковой крючок, когда...

— Серый?.. — хрипло произнёс старик.

Я промолчал, хотя опешил.

— Логист?.. — повторил старик, и теперь в его голосе появилась хрипкая растерянность. Ружьё всё ещё смотрело мне в грудь, хотя пальцы на цевье задрожали ещё сильнее. Я снова

промолчал и продолжал держать его на прицеле. Расстояние между нами позволяло обоим закончить разговор одним движением пальца, поэтому объясняться я не спешил.

Григорий Семёнович вглядывался в моё лицо. Взгляд прошёлся по глазам, подбородку, руке с пистолетом, словно старик пытался собрать из знакомых деталей картину, которой здесь быть не могло.

Возле батареи лежал Никита. Кровь на виске пацана стала заметнее, и воспоминания старика сразу потеряли для меня всякую срочность.

Но открещиваться от того, что этот старик меня знал, было нельзя.

— Сначала мальчишка. Потом задашь свои вопросы, — обозначил я свою позицию.

Григорий Семёнович коротко посмотрел на Никиту и снова перевёл взгляд на меня. Ствол ружья опустился на несколько сантиметров.

— Отведи ствол, — хрипло потребовал старик.

— Начни первым. Я повторю следом.

Мы смотрели друг на друга ещё несколько секунд. Григорий Семёнович первым отвёл ружьё от моей груди и направил его в пол, я опустил пистолет следом, сохранив руку на рукояти.

— Сейчас сюда зайдёт мой человек. И я не рекомендую делать лишних движений.

Элина всё ещё ждала на улице и наверняка чертовски нервничала. Ещё не хватало, чтобы она начала делать какие-то глупости. Это сейчас совершенно точно лишнее.

— Командовать любишь, — проворчал старик. — С возрастом это обычно проходит...

Я пошёл к наружной двери, выбрав угол, с которого видел старика, Никиту и одновременно лестничный пролёт. Не до конца было понятно: один ли здесь старик или нет?

Но заставляло задуматься другое: какого чёрта он просил о помощи, чтобы вот так брать каждого откликнувшегося на прицел своего ружья? Хотя нет... Помощи он просил не просто в эфире, а на частоте, которую обычный человек попросту знать не мог.

— Ты просто так дверь не откроешь, — сказал старик, когда я подошёл к двери.

Григорий Семёнович достал ключ из кармана брюк и кинул мне. Замок оказался хитрым, с двумя поворотами и отдельной металлической задвижкой, которую я отжал отжал носком ботинка.

Дверь приоткрылась, и в щели сразу показался ствол Элининого пистолета. Следом появилось её лицо, злое и собранное.

— Серёж, ты цел? Я уже собиралась лезть следом.

— Заходи осторожно. Никита лежит возле батареи, живой. И еще — мы не одни, — предупредил я.

Элина проскользнула внутрь, увидела пацана на полу и в два шага оказалась рядом. Она опустилась на колени, коснулась пальцами его шеи, затем вскинула голову и посмотрела на Григория Семёновича.

— Что с ним произошло? И ружьё держите подальше.

Старик чуть крепче сжал оружие. Элина заметила движение и медленно подняла пистолет.

— Оружие опустили оба, — отрезал я. — Сейчас поднимаем Никиту.

— Я хочу услышать, что он с ним сделал. После этого опушу.

— Вышел из-за двери, — ответил Григорий Семёнович. — Ваш герой отскочил, ударился виском о батарею и лёг. Я к нему подойти даже не успел.

Элина посмотрела на кровавый след на ребре батареи. Картина совпадала со словами старика, однако выражение её лица осталось прежним.

— Разберёмся позже. Элин, держи голову, я беру под плечи, — распорядился я.

Я убрал пистолет за пояс и присел возле Никиты. Григорий Семёнович шагнул ближе, собираясь помочь, но Элина сразу повела стволом в его сторону.

- Вы пока стойте. Помощь потребуется, я скажу.
- Девушка, это моя квартира. Здесь распоряжаюсь я.
- Отлично, стойте в своей квартире. Так всем будет спокойнее.
- Элин, хватит спорить. Держи пацана.

Я понимал, что угрозы со стороны старика больше не будет. По крайней мере, пока он не выяснит, откуда в здесь взялся человек, которого в последний раз видели живым почти тридцать лет назад. По лицу Григория Семёновича я видел, что его этот вопрос ой как мучает.

Элина тем временем спрятала оружие и подложила ладонь Никите под затылок. Я осторожно поднял его за плечи, сохраняя шею ровно, Элина поддержала голову пацана.

Никита оказался удивительно лёгким. Его рука болталась вдоль тела, кроссовки цепляли плитку на полу, и Григорий Семёнович всё-таки подхватил его за ноги.

- За тамбуром направо. В комнате стоит диван.

Он отступил к тяжёлой двери, из-за которой недавно целился в меня, и толкнул её плечом. За ней открылся короткий коридор с облупленной зелёной краской, настенными проводами и несколькими дверями.

Мы внесли Никиту внутрь. Григорий Семёнович ногой захлопнул тамбурную дверь, провернул задвижку и сразу показал в комнату справа.

Там действительно стоял старый диван, накрытый серым покрывалом. А вот остальная обстановка комнаты приятно удивила. Возле окна громоздились стеллажи с радиостанциями, катушками проводов, коробками деталей и аккумуляторами, на столе светила красная шкала приёмника.

Мы уложили Никиту на диван. Элина подложила ему под голову свёрнутое покрывало, я снова проверил пульс пацана.

Сердце билось часто. Дыхание оставалось ровным, кожа была тёплой.

- Дайте воду и чистую ткань. Аптечка тоже пригодится, если есть.

Григорий Семёнович поставил ружьё возле стены, сохранив его в пределах вытянутой руки. Потом достал из шкафа бутылку воды, аптечку и сложенное полотенце.

Элина смочила ткань и осторожно приложила к виску Никиты. Пацан поморщился, его веки дрогнули, глаза остались закрытыми.

- Он реагирует. Это хороший признак?

- Лучше, чем лежать бревном, — ответил я. — Пока наблюдаем.

Старик стоял возле стола, положив ладонь на приклад ружья, всё так же стоявшего у стены. Теперь, когда ствол перестал смотреть мне в грудь, я рассмотрел его спокойнее.

Лицо было знакомым — теперь я это отчётливо видел. Возраст изменил его сильнее, чем голос: щёки запали, кожа покрылась глубокими складками, волосы почти полностью поседели. А вот манера держать оружие сохранилась прежней, как и привычка чуть наклонять голову, когда собеседник говорил что-то подозрительное.

Память сразу выдала имя, обстоятельства и несколько эпизодов, которые следовало оставить при себе. Чёрт возьми... Не может такого быть — этот Григорий Семёнович был не кто иной, как Гришка Антенна... некогда один из лучших связистов подпольного Ростова.

Вот это было неожиданно.

Мы никогда не были друзьями, но работать вместе приходилось не раз и не два. Антенна был человеком практически незаменимым в определённых обстоятельствах. Хотя и принято считать, что незаменимых людей нет.

Я закрыл аптечку и вернулся к Никите.

- У меня холодовой пакет есть, — вдруг сказал старик.

Он достал из аптечки плоский пакет, сдвинул внутреннюю капсулу и передал Элине. Пакет начал быстро остывать.

- Заверни в ткань. На коже долго не держи.

Элина молча обернула пакет полотенцем. Её отношение к хозяину квартиры стало чуть спокойнее, хотя до дружбы ещё было далековато, мягко говоря.

Никита снова поморщился. Потом вдохнул глубже, вздрогнул и медленно открыл глаза.

Первые секунды он смотрел в потолок. Взгляд у пацана блуждал, цеплялся за провода, полки и красную лампу приёмника, затем всё-таки добрался до меня и остановился.

— Дядь Серёж, мы уже внутри? Голова чего-то гудит.

— Внутри, — подтвердил я. — Лежи спокойно и смотри на меня.

Пацан попытался поднять голову и сразу зажмурился. Элина прижала ладонь к его плечу.

— Куда собрался?

Никита ничего не ответил и провёл языком по губам. Я дал ему сделать маленький глоток воды и забрал бутылку.

— Тошнит? Перед глазами плывёт?

— Чуть-чуть тошнит. Лампа расплзается, когда голову поворачиваю.

— Значит, голову пока не поворачивай. Лежи, без резких движений, у тебя, скорее всего, небольшой сотряс.

Пацан посмотрел на меня, я прямо видел, как он прилагает усилия, чтобы сфокусировать взгляд. Скользнув взглядом по Элине, он перевёл его на Григория Семёновича, который стоял возле стола с ружьём под рукой.

— Сейчас одного деда вижу. Вроде не двоится.

Никита нахмурился, словно решал сложную задачу. Через пару секунд взгляд снова остановился на двустволке.

— Григорий Семёнович?

Григорий Семёнович поджал губы, всмотрелся в лицо пацана.

— Ёпрст, Никитка, ты, что ли? — узнал пацана старик.

— Угу...

— Ядрёна вошь, ты что, сказать не мог, что это ты?! Что вы свои?! — Григорий Семёнович всплеснул руками.

Пацан снова попробовал сесть. На этот раз Элина не стала его останавливать. Но комната сразу поплыла у него перед глазами, лицо побледнело, и Никита торопливо лёг обратно.

Элина поправила холодовой пакет. Никита хотел возразить, однако передумал и закрыл глаза.

Григорий Семёнович всё это время наблюдал за мной. Я чувствовал его взгляд и понимал, что разговор скоро вернётся туда, где оборвался.

Старик дождался, пока дыхание Никиты не выровнялось, затем убрал ладонь с приклада. Голос его теперь прозвучал куда тише прежнего.

— Логист давно должен быть старше меня. Передо мной молодой парень с его лицом.

Я закрыл бутылку с водой и поставил её возле дивана. Потом выпрямился и встретил взгляд старика.

— Значит, перед тобой другой человек.

Григорий Семёнович медленно покачал головой. Он явно помнил меня слишком хорошо и, разумеется, помнил именно таким, каким я стоял сейчас перед ним. Потому в его голове и возник когнитивный диссонанс. А ещё был один-единственный вопрос: как такое вообще может быть?

Что тут сказать, я бы на его месте тоже хорошенечко охренел. Но, конечно же, окончательно сводить старика с ума и признаваться, что я тот самый Логист, было лишним. Старик был нужен мне в твёрдом уме и трезвой памяти.

— Лицо то же, голос тоже, — заключил Григорий Семёнович. — Даже смотришь так же, как Серёга! А зовут тебя как?

— Люди бывают похожи. Голоса повторяются ещё чаще. А зовут меня Сергей. — Я расплылся в улыбке.

Григорий Семёнович прищурился, молчал несколько секунд, а затем нашёл для себя объяснение, которое и озвучил.

— Сын что ли? Возраст подходит.

Версию он предложил сам. Она объясняла лицо, возраст, голос и оставляла старика в пределах привычного мира, поэтому разрушать её я не собирался.

— Этого пока достаточно для знакомства, — ответил я.

Григорий Семёнович медленно кивнул. Уверенности на его лице, правда, не прибавилось.

— Так недалеко до того, чтобы подумать, что я рехнулся, — хмыкнул старик. — Ты к тому же отвечаешь его словами.

И, недолго думая, старик перекрестился.

Элина наблюдала за всем этим молча. Вопросов у неё явно прибавилось, задавать их при Никите и вооружённом хозяине квартиры девчонка пока не стала.

Я поднялся с корточек и указал на ружьё. Оружие стояло слишком близко к дивану.

— Переставь ружьё в дальний угол. Патроны положи на стол.

— Думаешь, мальчишка схватит? — под дурака поинтересовался Григорий Семёнович. — Так он сейчас голову поднять не может, и мы с ним так-то знакомы!

Я промолчал.

Григорий Семёнович посмотрел на Никиту, затем всё же взял ружьё и разрядил его. Два патрона легли на стол, само ружьё он поставил в дальний угол.

— Теперь доволен? Можешь продолжать командовать. Ты посмотри, какой — весь в отца...

Старик подошёл к приёмнику и убавил громкость, хотя из динамика доносился только слабый треск. Красная шкала осветила его пальцы и край лица.

Я заметил рядом с аппаратом тетрадь, карту Ростова, несколько подписанных кассет и цифровой диктофон. На стене висели листы с частотами, временем передач и короткими пометками карандашом.

Антенна проследил за моим взглядом и положил ладонь на закрытую тетрадь.

— На мой сигнал пришли, говоришь? Где приняли, говоришь?

— Частоту я уже назвал.

Старик усмехнулся краем рта. Ответ ему понравился примерно так же, как версия с сыном.

— Случайные люди эту частоту не слушают.

Он смотрел на меня испытующе, явно намереваясь поймать на каком-либо противоречии в ответах. Однако такого удовольствия я ему давать не собирался.

— В городе случайных людей осталось мало. Остальные быстро учатся.

Нужного ответа Антенна не получил и лишь вздохнул, разведя руками.

— Ладно, — произнёс он. — Пока будем считать, что ты сын и потому знаешь частоту.

Я поправил Никите подушку и проверил пульс ещё раз. Разговор со стариком мог подождать, состояние пацана требовало внимания прямо сейчас.

Григорий Семёнович понял это и больше вопросов не задавал. Он придвинул к дивану табурет, поставил рядом воду и включил маленькую аккумуляторную лампу.

Элина сидела возле Никиты, придерживая холодовой пакет. Старик отошёл к окну, осторожно отогнул край плотной шторы и посмотрел во двор через узкую щель.

Я встал так, чтобы видеть вход, окно и коридор. Григорий Семёнович заметил это, опустил штору и снова отошёл к приёмнику. На этом мы временно оставили прошлое в покое и занялись тем, что происходило сейчас.

Глава 4

После того как Григорий Семёнович поправил край плотной шторы, щель исчезла, комната сразу стала темнее, и красная шкала приёмника заиграла ярче.

Никита лежал на диване с холодовым пакетом у виска. Элина сидела рядом, придерживая свёрнутое полотенце. Пацан морщился после каждого движения глаз.

Я оставил их под присмотром друг друга и прошёл к столу. Мастерская занимала всю дальнюю комнату, да и соседняя, судя по проводам в дверном проёме, давно работала на ту же задачу. На стеллажах стояли старые армейские станции, гражданские рации, блоки питания в самодельных корпусах и аккумуляторы с наклеенными датами зарядки. Между ними теснились коробки с реле, разъёмами, предохранителями и деталями, назначение которых понимал только человек, собиравший всё это хозяйство годами.

— Заранее готовился? — спросил я, проводя пальцем по краю одного из блоков.

— Половину собирал сам, остальное вытаскивал оттуда, куда люди уже не возвращались. Передатчик трогать не советую. Контакт капризный, потом полчаса сигнал искать придётся.

Я убрал руку и посмотрел выше. По стене тянулись кабели, связанные пластиковыми стяжками. Они сходились у небольшого металлического ящика с рядами тумблеров. На крышке были подписаны направления: «крыша», «двор», «северное окно», «подъезд», «чердак». Рядом висела панель размером с книгу, в которую Григорий врезал восемь маленьких красных ламп.

— Сигнализация? — спросил я.

— Она самая. Звук сейчас дорого обходится, поэтому всё на свет, — подтвердил старик и объяснил чуть развёрнутее: — Где провод оборвали или контакт разомкнули, там лампа и загорится.

Он подошёл к панели и нажал ногтем на нижний тумблер. Красная лампочка возле надписи «подъезд» вспыхнула и сразу погасла.

— На наружной двери установлен магнитный контакт. На окнах тонкая проволока. Во дворе две растяжки и стоит замыкатель.

— А если человек увидит провод? — спросил я и наклонился к нижней клемме.

— Ну-у, — Антенна развёл руками. — Видеокамер у меня нет.

Григорий Семёнович вернулся к столу, подвинул старый вращающийся стул и сел перед приёмником. Перед ним лежали три тетради, журнал в клетчатой обложке, карта Ростова с цветными отметками и несколько кассет. Рядом лежал диктофон, явно рабочий. За ним стоял старый ноутбук с подключённым приёмным блоком. На экране тянулась цветная полоса спектра, а кабели от блока уходили к антеннам на разных сторонах дома.

— Сколько дней слушаете? — спросил я.

— С первого вечера, — признался Антенна. — Сначала эфир был забит криками, просьбами и умниками, которые решили занять частоту музыкой. Потом голоса начали пропадать. Через два дня остались короткие переговоры, автоматические записи и люди, умеющие говорить по делу.

Он открыл журнал и провёл пальцем по столбцам. В каждой строке стояли время, частота, длительность передачи и короткая пометка. Записи шли плотными рядами, местами Гриша добавлял стрелки и вопросительные знаки.

— Так называемый «Маяк» появился на третий день, — продолжил он. — Первую запись крутили каждые четыре часа. Потом расписание поменяли. Утром в шесть, днём в двенадцать, вечером в восемнадцать. Слышал о таком?

Гриша покосился на меня, считывая реакцию, — хотел понять, знаю ли я про «Маяк».

— А между расписанием что-нибудь проходит? — уточнил я, перелистывая журнал дальше.

— Короткие посылки на других частотах. Секунда, иногда две. Я пока свёл семь частот, которые повторяются рядом с передачами «Маяка».

Антенна перелистнул несколько страниц и показал мне таблицу. Напротив времени открытой записи стояли короткие всплески на соседних диапазонах. Иногда они появлялись за десять минут до объявления, иногда сразу после. Занимательная арифметика получалась, но в теории. Какого-либо практического смысла я в этих записях всё-таки не видел.

— Записывали всё вручную? Такой объём одному человеку быстро надоест.

— Приёмники пишут сами. Я потом просматриваю спектр, слушаю фрагменты и свожу в журнал, — Гриша пожал плечами, будто говоря о чём-то само собой разумеющемся. — Электричество бережём, поэтому аппаратура работает по очереди. Один слушает, второй отдыхает, третий заряжается.

— «Мы» у вас здесь кто? Помощников я пока не заметил.

Григорий Семёнович взглянул на меня поверх очков, которые успел достать из кармана рубашки, и поправил дужку указательным пальцем.

— Я и техника, молодой человек. У техники тоже есть душа.

Я кивнул на карту и придвинул её к краю стола.

— Когда белые метки дошли до Садовой? Точную дату помнишь?

Вопрос был неожиданный, но раз Антенна говорил о «Маяке», ответ он должен был знать.

Антенна ненадолго задумался, прежде чем ответить.

— Вчера утром увидел первую стрелку на углу, — признался он. — К вечеру появились ещё три. Сегодня двое прошли по улице и поставили вторые черты рядом со старыми знаками. После этого я дал адрес и добавил «спешите».

Я повернулся к нему и упёрся ладонью в край стола.

— Зачем указали адрес в открытом эфире? Вы ведь понимали, кто мог услышать.

Задавая этот вопрос, я знал, что частота, на которой он вещал, отнюдь не была открытой. Но было интересно, как ответит мне Антенна.

Григорий Семёнович всё-таки снял очки, аккуратно положил их на журнал и потёр переносицу.

— Та частота, на которой ты слышал... — вздохнул Антенна. — О ней не все в курсе, и если бы кто услышал ещё... В общем, реальная помощь бы пришла. Не знаю, откуда ты знаешь эту частоту... Отец сказал?

Он с каким-то упрямым видом посмотрел на меня. Понятно, чего хотел, — подловить на противоречии. Логист, то есть я, исчез двадцать семь лет назад. И я, даже если бы застал «отца» в живых, попросту никаких частот бы не запомнил.

Я не отвёл взгляд от Гриши и улыбнулся одними губами.

— Думаешь, я не понимаю, что ты меня проверяешь? — спросил я. — Хочешь правду?

— Ну-ка.

— Это я — Логист, только перенёсся во времени. Из прошлого в настоящее. «Терминатора» смотрел? — я подмигнул Антенне.

Старик сначала стоял с серьёзным лицом, а потом подавил смешок.

— С чувством юмора у тебя всё в порядке, — признал он. — Просто я думаю, ты в курсе, что частота эта — для своих?

— В курсе, я её в блокноте отца нашёл. С припиской, что это частота на случай всяких непредвиденных обстоятельств, — соврал я.

Понятное дело, что в версию с чудесным перемещением во времени Гриша не поверил. А вот моим заверениям про то, что я нашёл частоту в отцовом блокноте, поверил охотно.

Конечно, занимательно — говоришь людям правду, а твоя правда их не устраивает. Они предпочитают верить в ложь, в которую сами с превеликим удовольствием готовы верить.

Антенна посмотрел на пацана. Тот лежал с закрытыми глазами.

— А насчёт пацана, он сам оступился, как я тебе уже сказал. Никитка ещё тот паразит, наверняка ведь и к тебе паразитом привязался. Но трогать бы я его не стал, — ещё раз проговорил он. — Так что я надеюсь, что на этом вопрос будет закрыт?

— Пока закроем, — ответил я. — Когда Никита окончательно придёт в себя, спрошу его самого.

Мы обменялись крепкими мужскими рукопожатиями.

После Антенна подвинул к себе диктофон. Прибор оказался цифровым, с экранчиком — выбрал на нём файл по номеру, сверился с записью в журнале и включил воспроизведение. Перед включением убавил громкость почти до шёпота.

— Это сегодняшнее объявление в шесть утра. Слушай формулировки.

Из динамика донёсся спокойный мужской голос.

— Пункт «Маяк» принимает гражданских. Следуйте по белым указателям. Соблюдайте тишину. Дети, раненые, специалисты и владельцы пропусков проходят отдельную регистрацию.

Запись закончилась коротким щелчком. Через несколько секунд она началась снова. Я дослушал до слов о пропусках, и всё стало предельно ясно.

Максим, тот самый раненый в нашем гараже, хотел донести именно это.

— Откуда эта запись? — спросила Элина, которая тоже услышала слова из динамика.

— Мощный передатчик, но источник меняется, — ответил Гриша. — Утром сигнал шёл с юго-запада. Вчера вечером пришёл с северной стороны. Либо работают несколько станций, либо передатчик возят по городу.

— Где находится этот «Маяк» и что он из себя на деле представляет — ты в курсе? — спросил я.

— Не в курсе... Они ведь даже никаких координат не передают, — ответил старик после паузы. — Тут, даже если соберёшься или рискнёшь идти, то куда именно идти, непонятно.

Антенна в сердцах всплеснул руками. Похоже, его действительно интересовал этот вопрос. Хотя почему «похоже, интересовал» — иначе старик не стал бы тратить на это столько времени.

А вот насчёт отсутствия координат — это был вопрос, который волновал и меня. Кто-то давал людям надежду на лучшее, в которую в нынешних обстоятельствах верили с охотой. Однако на деле эта надежда была какой-то отдалённой и недостижимой.

Не зря один умный человек в своё время сказал, что религия — это опиум для народа. Именно это и заставляло меня относиться скептически к идее или даже к факту существования этого «Маяка».

Не стоило исключать, что стрелочки, которые появлялись по городу тут и там, на деле не имели никакого практического смысла. Прямо о них в передаваемых сообщениях не говорилось ровным счётом ничего. Тогда возникал резонный вопрос: откуда они взялись?

И ещё один вопрос — для чего пускали слухи о «Маяке». Чтобы что? Вытащить тех, кто выжил и забился, как мы, по «норам»?

Ну тогда для чего?

Чёрт его знает.

Я оборвал мысли, в очередной раз убеждаясь, что от подобных размышлений вопросов становится только больше.

— А белые стрелки — про них тебе что-то известно? — уточнил я.

Гриша кивнул и развернул карту. Края были затёрты, сгибы укреплены скотчем. По улицам шли карандашные линии, рядом стояли даты и время. Несколько дворов он обвёл квадратами, отдельные перекрёстки отметил красными кружками.

— Вот здесь, возле старого рынка, людей собирали во дворе, — сказал он. — Двенадцать человек пришли по этим самым стрелкам. Мужчина в серой куртке записал имена и посмотрел документы. Потом вывели детей и женщину с перевязанной рукой. Их посадили в микроавтобус. Остальных увели пешком.

Вот это, пожалуй, была конкретика.

— Охрана была? Сколько человек и какое оружие?

— Четверо, — припомнил Антенна. — Разговаривали спокойно. Давали воду, разрешали зарядить телефоны от переносной станции.

— Куда увели группу? Направление хотя бы запомнил?

— Через два квартала потерял. На улицу вышли молчуны, пришлось уходить.

Антенна явно не сидел сложа руки и обладал весьма ценной информацией. Смущало всё то же — если бы это была какая-то организованная благотворительность от государства или подобных мощных структур, тогда какого чёрта не сказать прямо, куда идти? Зачем придумывать какие-то стрелки? Или брали на «Маяк» далеко не всех?

Гриша тем временем показал второй квадрат ближе к центру и обвёл его ногтем.

— Здесь картина была похожая. Людей пересчитали, расспросили о профессиях, проверили руки и одежду. Детей отвели отдельно.

Антенна помолчал и добавил то, о чём, как показалось, он говорить не хотел.

— Некоторых не взяли с собой.

Я вскинул бровь, ожидая продолжения.

— Расстреляли на месте, — вздохнул старик.

Я промолчал — примерно это я и ожидал услышать.

— Но они вроде были того... — он замялся, подбирая слова. — Нездоровые, повернутые, Серег.

Я снова промолчал.

Антенна перевёл палец на следующую линию маршрута.

— А вот здесь я видел три группы. Все ушли дальше, тоже по стрелкам. Обрато по тем же улицам никто не прошёл. За всеми я, конечно, не бегал, — добавил Антенна. — Большую часть наблюдал с крыши через оптику. Нога уже не позволяет целыми днями мотаться по городу.

Я придвинул карту ближе. Вдоль Текучёва и Варфоломеева шли знакомые отметки, которые мы видели по дороге. Возле Садовой Антенна поставил свежую дату и две короткие линии.

— Почему иногда рядом появляется вторая черта? Мы видели такие знаки по дороге, — спросил я.

Предположение у меня было, но я хотел услышать, что на этот счёт думает сам Антенна.

— Пока считаю её подтверждением маршрута, — сказал он.

— Вот здесь мы нашли двойную линию, — Элина подошла к нам и ткнула пальцем в карту.

Я показал на верхнюю отметку, которую заметил почти под крышей, и повернул карту к старику.

— А эти зачем ставят так высоко? Пеший человек голову задирать не станет.

— Думаю, верхние знаки оставляют для обслуживающих групп... Понятия не имею, если честно, для чего они.

Он не врал — я это сразу почувствовал.

— Поэтому стрелки могут смотреть в разные стороны? — предположила Элина. — Одна для гражданских, другая для тех... с «Маяка», да?

— Пока это версия, — уточнил Антенна. — Большого сказать не могу, но то, что стрелки смотрят в разные стороны, — это факт.

Он провёл карандашом по нескольким кварталам, соединяя точки в ломаную линию.

— Белые маршруты работают сетью. Людей ведут через промежуточные дворы. Здесь включали запись с переносной колонки. Здесь стояла машина с аккумулятором и водой.

Антенна продолжил показывать отметки. Красные кружки на его карте обозначали скопления молчунов, синие квадраты — проходные дворы. Тонкие пунктирные линии шли через подвалы и чердаки старой застройки. Возле нескольких домов стояли короткие пометки: «решётка», «собака», «обвал», «дверь со двора».

Такая навигация в текущее время была на вес золота.

— Это ваши маршруты, да? — спросила Элина.

— Основу этой карты я ещё до всего этого составлял, — охотно пояснил Антенна. — Проверял подвалы, чердаки, аварийные проходы. Сейчас только обновляю даты и отмечаю, где пройти ещё можно, а где уже поздно.

Я нашёл на карте наш гаражный кооператив, положил рядом палец и постучал по обозначению ворот.

— Покажи ближайшую свежую линию.

Гриша взял линейку, совместил несколько отметок и провёл карандашом вдоль улиц. Линия остановилась в нескольких кварталах от кооператива.

— Последнюю зафиксированную метку поставили вчера вечером вот здесь. Думаю, народа здесь пойдёт немало. А что?

Я медленно покачал головой. Говорить ему о том, что мой отряд находится в гаражном кооперативе, как раз по линии нового маршрута, я не стал. Да, Антенну я знал очень хорошо и никаких непорядочных вещей с его стороны не замечал. Но, во-первых, почти тридцать лет прошло со времени наших последних дел. А во-вторых, жизнь сейчас такая, что от любого можно ожидать чего угодно.

Однако утаить наше местоположение всё же не получилось.

— Серёж, ты же понимаешь, что они теперь будут идти через наши гаражи! — выпалила она.

Я посмотрел на девчонку.

— Элина, расположение базы при посторонних больше не называем.

Она сразу поняла, что сказала лишнее, и коротко кивнула.

— Правильное правило.

Антенна взглянул на меня, как будто показывая, что ему не понравился факт того, что я утаил адрес.

— Но девушка всё правильно говорит. Если вы находитесь в гаражах, там скоро будут проходить искатели «Маяка». А люди в этих группах бывают разные. Не все сырые и убогие, Сергей.

— Я уже это понял, — сухо ответил я.

Вылазка к старику давала огромную кучу преимуществ. Много из того, что я предполагал, подтвердилось. Хотя и новых вопросов появилось очень даже немало. И один из них на данную минуту стоял особняком. Старик явно кого-то ждал. То, что он встретил с ружьём Никиту, само по себе не говорило ни о чём. Возможно, пацан был неосторожен, привлёк внимание. Это ясно. Вывод я сделал по тому, как был устроен внутренний быт квартиры старика.

Выглядело всё так, будто из квартиры Антенна сделал крепость. Двери были укреплены, окна за плотными шторами были заколочены деревяшками крест-накрест...

Антенна поймал мой взгляд.

— Ждёшь кого-то? — прямо спросил я.

Старик хмыкнул. Покрутил в руке карандаш, а затем нанёс ещё одну отметку. Прямо на своём доме, по адресу, где мы находились сейчас.

— Жду, — признался он. — Потому и ходил с ружьём. Первую метку оставил тот, кого я пристрелил. Вторую поставили уже после того, как он не вернулся. Полагаю, его дружки проверили адрес и подтвердили цель. Значит, либо эки копировали систему «Маяка», либо мы ошибались насчёт назначения вторых черт.

Я запомнил это противоречие, но разбираться с ним следовало позже.

— Почему ты так думаешь?

Старик задумался, прежде чем ответить.

— Потому что один из них, который ставил первую метку, сейчас лежит за мусорными баками, — Антенна чуть отодвинул штору. — Я его брезентом прикрыл, но надолго это не поможет. И перед тем, как я его кончил, он сказал, что пришёл конкретно обносить меня и забрать моё барахло. А ещё он сказал, что, если с ним что-нибудь случится, братки знают, где искать.

Старик говорил это настолько спокойно, как будто обсуждал, сколько ложек чая положить в чай. Мне же стало понятно, что, похоже, именно после этого старик вышел на секретную частоту и просил о помощи. Ну а о каких братках шла речь — я знал. И о причине, почему эти нехорошие типы решили заглянуть к старику, тоже догадывался. В пресловутый «Маяк», в который все хотели попасть, похоже, не пускали просто так. Если ты не представляешь ценность — гуляй, Вася, что называется.

Возможно, беглые эки собирались обменять аппаратуру Антенны на пропуск или место в «Маяке». Хотя с тем же успехом они могли просто тащить всё ценное.

— Так что рекомендую сваливать отсюда, пока ходят пароходы, — заключил старик. — Вон Никитка, кажись, тоже очухался. Пацана тоже забирайте.

Никита действительно пришёл в себя, сел на кровати и массировал виски. Хотелось верить, что каких-то серьёзных последствий пацан таки избежал.

— С нами пойти не хочешь? — я вернул взгляд на Антенну.

— И на хрена тебе старик? — критично спросил он.

Я указал на приёмники, журналы и карту, затем перевёл палец на его тетради.

— У тебя есть связь, маршруты и знания.

— Хозяйственный подход, — подмигнул старик. — Предложение довольно щедрое, но, Сергей, я могу сказать, что подумаю?

Я понимал, почему Антенна хочет остаться. Он рассчитывал, что кто-то ещё откликнется на этот сигнал о помощи. Однако все, кто мог откликнуться, уже бы это сделали.

Не смог никто.

Так что изменение ситуации было маловероятным. А вот появление здесь эков, причём в самое ближайшее время, было более чем вероятно.

Я коротко проговорил свои мысли старику. Антенна внимательно выслушал.

— Ты прав, Сергей... Вон оно что: никто уже не придёт.

Он горько улыбнулся.

— А ты знаешь, твой отец был бы первым, кто пришёл на сигнал.

Я ничего на это не ответил. Не успел, потому что красная лампочка на панели вдруг вспыхнула. Антенна вздрогнул, тотчас напрягся, лицо сразу стало собранным. Он перевёл взгляд на панель и поднял указательный палец, требуя тишины.

Горел контакт с подписью «двор». Через пару секунд рядом загорелась ещё одна лампа — «задний проход». Кто-то вошёл со стороны арки и сразу отправил человека проверять дальнюю часть дома.

Похоже, что ждать гостей долго не пришлось.

Глава 5

Гриша Антенна придержал край шторы, оставив щель шириной в два пальца. Элина посмотрела во двор, задержалась на несколько секунд и вдруг медленно втянула воздух.

— Трое, — прошептала она. — Один возле контейнеров, второй идёт к двери. Третий смотрит вверх.

Я встал сбоку от окна и мельком выглянул через щель. Во двор вошли трое мужчин в тёмной одежде. Двигались они уверенно, держались на расстоянии друг от друга и старались ступать по чистому асфальту, обходя мусор и осколки стекла.

Один мужчина остановился возле нашего кабеля, свисавшего со столба. Он сделал ещё несколько шагов к мусорным бакам, замер, потом резко присел.

— Здесь Коля! — донёсся снизу его голос. — Дед его завалил!

Второй проверял окна первого этажа. Третий стоял у входа в подъезд с коротким охотничьим ружьём.

Снизу донёсся приглушённый голос. Говоривший находился почти под окном, поэтому слова прозвучали достаточно отчётливо.

— Дед где-то здесь.

— Смотри окна, — ответили ему из глубины двора. — Радио-шмадио забираем целиком. Самого деда тоже, если останется живой.

Антенна всё это прекрасно слышал и подошёл к своему ружью.

— Прямо здесь положу уродов, — приглушённо забубнил он.

Я перехватил его руку возле приклада и удержал оружие у стены.

— Выстрелишь, и сюда соберётся вся Садовая.

— Предлагаешь подарить им станцию? — спросил старик, продолжая тянуть ружьё к себе. — Они её по винтикам разберут.

— Предлагаю забрать главное и уйти.

— Куда уйти-то? Двор перекрыт.

— Значит, воспользуемся вашим запасным выходом. У человека с тремя сигнализациями он обязан быть.

Гриша перестал тянуть ружьё и посмотрел на меня. По выражению его лица стало ясно, что я угадал.

— Через чердак, — признал он. — Там можно пройти в соседний дом. Дальше крыша пристройки и второй двор, там можно спуститься и уйти незамеченным.

— Отлично. Показывай, что уносим.

Антенна перевёл взгляд на стеллажи. Здесь стояли годы работы, сотни деталей, аккумуляторы, станции и записи, которые старик собирал по крупичкам. Расставаться с мастерской ему было тяжело, однако трое внизу уже решили этот вопрос за него.

— Здесь всё важно, — выдохнул Гриша. — По-хорошему, ничего нельзя оставлять. Может, грохнем их, Серёг?

Определённый смысл в словах Антенны всё-таки был. Грохнуть этих неожиданных гостей или, если не так радикально, обезвредить. Потом собраться так, чтобы не в спешке, и свалить отсюда. Остаться всё равно не получится — по одним только ромам этих ребят я видел, что это эки. А значит, где-то неподалёку пара десятков их дружков, которые знали, куда отправилась эта троица.

Но и этот благоразумный вариант отпал всего через несколько минут.

— Серёж, во дворе появилось ещё несколько... — Элина запнулась, пересчитала гостей. — Ещё пять человек.

Я кивнул, показывая, что услышал, и вернул взгляд на старика.

— Лучше поторопиться, ты лучше всех знаешь, какая часть твоих сокровищ действительно нужна. Через пять минут выбор сделают наши гости, и их критерии тебе вряд ли понравятся.

Снизу раздался негромкий металлический удар. Кто-то проверил наружную дверь, затем попробовал ручку ещё раз. Идиоты... Учитывая, что всего в сотне метров на Садовой столпились целые полчища молчунов, такой риск был совершенно не оправдан.

Интересно даже — а в курсе ли эти ребята о такой пасхалке?

Я повернулся к Элине и указал на стол.

— Карты, журналы, диктофон — все складывай в свой рюкзак.

— Поняла. С Никитой что будем делать?

Никита более-менее пришёл в себя, но я отнюдь не был уверен, что пацан сможет идти самостоятельно.

— При надобности понесу его на своём горбу, — сказал я.

— Дядь Сергей, да ну, чего меня нести? Я сам справлюсь, я уже очухался.

Наверное, он действительно хотел сам, но получалось так себе — после каждого слова пацан морщился и шипел. Даже говорить и то ему было трудно.

Элина быстро складывала тетради и журналы. Карты она свернула вместе, перетянула резинкой и засунула вдоль спинки рюкзака. Диктофон отправился в боковой карман.

Гриша Антенна открыл нижний шкаф и вытащил переносную радиостанцию в потёртом металлическом корпусе. Следом достал компактный аккумулятор, зарядный блок и короткий кабель с несколькими переходниками.

— Этого хватит для приёма и передачи на закрытых частотах, — сообщил он. — Дальность будет поменьше, зато таскать можно одному.

— Что нужно снять с основной станции, чтобы она им сразу не досталась? — уточнил я.

Старик посмотрел на прибор, затем опустил перед столом и открыл переднюю панель. Внутри находился ряд плат и кабелей с цветными метками.

— Задающий модуль. После его снятия станция превратится в тяжёлый ящик. Запустить смогут, если найдут замену и поймут схему, — объяснил он.

— Снимай, — распорядился я.

Гриша взял отвёртку и быстро открутил две скобы. Руки у него работали привычно, хотя снизу уже слышались голоса и шаги.

— Дверь крепкая? — спросила Элина, продолжая укладывать бумаги.

— Наружная выдержит несколько ударов. Тамбурная, пожалуй, побольше.

Антенна наконец вытащил прямоугольный модуль и завернул его в кусок ткани. Потом уложил устройство в небольшую сумку рядом с радиостанцией.

Он уже собирался закрыть шкаф, когда увидел тяжёлый аккумулятор на нижней полке. Старик схватил его за ручку и поставил рядом с сумкой.

— Этот тоже берём. Заряд почти полный, ёмкость дюже хорошая.

Я поднял аккумулятор. Весил он килограммов пятнадцать, с таким грузом по чердаку было двигаться проблематично, причём как минимум.

— Этот остаётся, — отрезал я.

— Он почти новый. Я месяц собирал банки и балансировал секции. Радиостанция тоже требует питания.

Антенна начал приводить аргументы, но я его перебил. Сейчас дискуссии нам были совершенно ни к чему.

— Малый аккумулятор у тебя уже есть. А у нас в гаражах такого добра хватает. Так что оставь. Возможно, тебе придётся помогать мне тащить пацана.

Антенна посмотрел на Никиту. Пацан сидел на диване, держась рукой за спинку, пока ещё не вставал.

Старик вздохнул и поставил аккумулятор обратно на полку.

— Ладно. Пусть остаётся. Только им всё равно не достанется.

Антенна открыл ещё один шкаф и вытащил маленький таймер, провод и батарейный блок. После этого подошёл к отдельному тумблеру возле стены.

— В соседнем дворе висит динамик. В противоположной стороне от нашего выхода, — уточнил он. — Они полезут туда, а мы уйдём через второй дом. Кабель проведён через чердак, питание отдельное. Через три минуты включится запись с шумом и голосами.

А вот это уже было хорошо, даже чертовски хорошо. Антенна явно хватку не потерял и, как и в былые времена, продумывал всё скрупулёзно до мелочей.

— Громко? — уточнил я.

— Достаточно, — Антенна хищно улыбнулся. — Для того, чтобы твари услышали.

Элина застегнула рюкзак и посмотрела на старика с явным восхищением. Антенна тотчас выставил время и нажал кнопку. На маленьком экране побежали секунды.

Снизу раздался новый удар. Металл заскрежетал, кто-то начал работать ломом возле наружной двери. О молчунах на Садовой ээки, похоже, ничего не знали.

— Они уже вошли в подъезд, дядь Сергей? — спросил Никита, так осторожно поднимаясь.

— Пока вскрывают вход, — ответил я. — Вставай медленно и держись за диван.

Пацан поднялся, сделал один шаг и заметно качнулся. Я успел поймать его за плечо, чтобы Никита не грохнулся на пол.

— Голова кружится? — спросил я.

— Чуть-чуть. Но уже проходит. Вы же не оставите меня здесь, дядь Сергей? — в глазах у пацана мелькнул испуг.

— Не оставлю, опирайся на мою руку, а то ты так далеко не уйдёшь.

— Я сам пойду, — заупрямился пацан, которому совсем не хотелось выглядеть слабым при Элине. — Мне не пять лет, дядь Сергей.

Не в моих правилах было кого-то уговаривать или повторять дважды, но в данном случае я лишь строго посмотрел на пацана, и тот сразу вцепился в мою руку.

— Идёшь рядом и держишься за моё предплечье.

Пацан поднялся ещё раз, вцепился в мою руку левой рукой и остался стоять, широко расставив ноги.

Элина закинула рюкзак на плечи, проверила пистолет и кивком показала, что готова выдвигаться. Антенна ловко надел ремень радиостанции через плечо, малый аккумулятор закрепил на другом боку.

Я поднял сумку с модулем и показал ему на коридор.

— Куда идти?

— За кладовой узкая лестница, потом люк.

— Хорошо. Элин, идёшь первой — проверяешь проход и ждёшь нас у люка. Одна дальше не уходишь.

Девчонка кивнула и первой вышла в коридор. Антенна забрал ружьё, но чуть замаялся и положил оружие обратно.

— На чердаке с ним неудобно, — объяснил он. — Возьму лучше пистолет.

Старик достал из ящика старый пистолет, проверил магазин и убрал оружие за пояс. С оружием Антенна обращался уверенно и прекрасно понимал, что случайный выстрел сейчас обойдётся слишком дорого.

Мы прошли через общий квартирный коридор в маленькую кладовую. Половину помещения занимали банки, пустые канистры и коробки с инструментами. За стеллажом обнаружилась узкая дверь, обитая войлоком.

Элина уже открыла её и светила фонарём вверх. За дверью начиналась крутая техническая лестница, уходившая между стенами к чердаку.

— Тут тесно, — сказала она. — Ступени целые, только третья сверху выглядит не особо надёжно, так что надо там аккуратнее становиться.

— Я знаю, — ответил Антенна, как показалось, чуть раздражённо. — Не успел починить, всё оттягивал... Люк закрыт задвижкой изнутри, никакого замка там нет.

Снизу прогремел сильный удар. Потом послышалась приглушённая ругань.

— Наружную открыли, — сказал Григорий Семёнович. — До тамбурной им минуты две.

— Элина, пошла, — распорядился я. — Григорий, ты за ней. Я замыкаю с Никитой.

Элина начала подниматься, придерживая рюкзак одной рукой. Лестница была настолько узкой, что плечи почти касались стен. Следом пошёл Гриша Антенна, прижимая радиостанцию к боку.

На четвёртой ступени старик задержался и переставил правую ногу руками чуть выше. Колено у него сгибалось плохо, поэтому каждый шаг приходилось вымерять.

С Никитой пришлось повозиться, хотя, надо отдать пацану должное, он делал всё возможное, чтобы моя помощь ему не понадобилась. Красавчик, настоящий мужчина растёт.

Так или иначе, мы несколько раз притормаживали, я давал Никите время, чтобы перевести дыхание. Пацан упирался плечом в кирпич и замирал.

— Смотри на ступень перед собой, голову вверх не поднимай, иначе закружится, я, если что, подстрахую.

— Я нормально...

— Пошли дальше, Никит.

Элина добралась до люка и приподняла задвижку. Та вышла из пазов почти бесшумно. Сверху посыпалась пыль, и она сразу прикрыла лицо локтем.

— Здесь пусто, — прошептала Элина. — Вижу проход направо и ещё одну дверь впереди.

— Направо сворачивай, — подсказал Антенна.

Она выбралась наверх и легла возле люка, держа под контролем пространство. Гриша начал подниматься следом. Снизу в этот момент ударили уже по тамбурной двери, и по коридору прошёл глухой металлический звон.

— Первый замок уже старый. Второй держится лучше. Минуты две я вам обещал, примерно столько у нас и осталось, — прокомментировал Антенна.

Старик подтянулся к люку. Элина схватила его за предплечье и помогла выбраться на чердак.

Никита оказался на последней трети лестницы, потом снова остановился и на этот раз начал медленно оседать назад.

Я подхватил его под рёбра и прижал к стене.

— Глаза открой.

— Открыты, — пробормотал он. — Просто темно.

— Фонарик перед тобой. Сколько пальцев показываю?

— Два, — ответил Никита после паузы. — Только расплываются че то.

Соображал пацан пока нормально, однако равновесие держал всё хуже. Одного я его уже не отпустил бы. Пришлось проявлять чудеса изворотливости и тащить его. Пацан изо всех сил пытался помогать, однако большую часть веса пришлось взять мне.

Сверху Антенна лёг возле люка и протянул обе руки.

— Давай его сюда. Никит, хватай меня за предплечья.

— Я сам... почти, — сбивчиво выдохнул пацан.

— Давай руки, — отрезал Антенна.

Мы вытащили Никиту на чердак. Антенна усадил его возле балки и сразу проверил взгляд.

Я поднялся последним, закрыл люк. Он задержал бы преследователей секунд на двадцать, но сейчас лишние секунды были настоящей роскошью.

Чердак тянулся вдоль всего дома. Под ногами лежали старые доски, куски шифера, оборванные провода. Сквозь небольшие окна под крышей пробивался серый дневной свет.

Антенна показывал, куда идти, и сразу предупредил, что доски на полу чердака гнилые и вполне могут провалиться, если наступить не туда. Элина, шедшая первой, ставила ногу на каждую доску возле опоры и только после этого переносила вес. Антенна шёл следом — медленно, удерживая рацию одной рукой и придерживаясь за балки другой.

Никита шёл и дулся, держась за моё плечо. Теперь он уже не спорил и внимательно смотрел под ноги.

Где-то внизу прогремел новый удар. Потом металл протяжно заскрежетал, и из подъезда донёсся голос:

— Давай ещё раз! Замок уже пошёл!

Антенна остановился возле старой распределительной коробки и посмотрел на свои наручные часы.

— Сейчас начнётся.

Через несколько секунд из соседнего двора донёсся треск динамика. Сначала прошёл резкий шум, потом раздались голоса, шаги и грохот. Запись звучала достаточно натурально. Даже я на секунду подумал, что во дворе действительно кто-то появился.

На Садовой ответили почти сразу. За стенами домов поднялось знакомое шипение, которое быстро усиливалось. Несколько молчунов двинулись к источнику звука, затем к ним присоединились остальные.

Снизу послышалась ругань.

— Что там включилось?

— Дед нас слышал! Быстрее дверь ломай!

— Заражённые идут со стороны улицы!

Люди внизу торопились. И, кажется, начали понимать, что происходит снаружи.

Я подтолкнул Никиту вперёд, ускоряясь.

Элина дошла до перегородки и присела возле прямоугольного лаза. Она посветила внутрь, проверила пол с другой стороны и первой пролезла дальше.

Антенна опустился на колено. Повреждённая нога сразу подвела его, старик тихо выругался и ухватился за край доски. Я сразу подхватил радиостанцию, сняв часть веса с его плеча.

— Сначала здоровой ногой. Потом разворачиваетесь боком и протаскиваете вторую.

— Я знаю, как пользоваться собственным лазом... — раздражённо бросил Антенна. — Или ты думаешь, что старость — это радость?

Он протиснулся через перегородку. Я передал ему радиостанцию и помог Никите опуститься на колени, и пацан полез следом за стариком. Элина приняла его с другой стороны и сразу отвела от лаза.

Я прошёл последним. За перегородкой чердак был ниже, приходилось идти пригнувшись. Впереди виднелась железная дверь, за которой начиналась лестница к крыше пристройки.

— В квартире пусто! — голоса звучали значительно ближе.

— Станция здесь, только блока какого-то нет!

— Дед её выпотрошил!

Антенна после этих слов повернул голову ко мне.

— Через минуту гости уже будут у люка.

— Значит, через минуту нас здесь уже не будет. Элина, открывай дверь.

Девчонка осторожно потянула створку на себя. За ней обнаружилась короткая лестница, ведущая вниз к крыше низкой пристройки.

С улицы доносилось густое шипение. Молчуны уже заполняли соседний двор, где продолжал трещать динамик. Я вернул Грише радиостанцию и придержал Никиту за плечо.

— Выходим по одному в том же порядке.

Старик посмотрел назад, туда, где за перегородкой осталась его квартира, аппаратура и все годы работы.

— Жалко станцию, — едва слышно сказал он.

— Вернёмся, когда гости закончат знакомство с соседями.

Элина первой поднялась к выходу и выглянула наружу.

— Во дворе чисто, — сообщила она.

За перегородкой раздался сильный удар, затем ещё один. Снизу донёсся приглушённый голос:

— Здесь дверь! Они через чердак ушли!

Антенна посмотрел на меня.

— Похоже, запасной выход они всё-таки нашли.

Глава 6

Элина первой спустилась по короткой железной лестнице и встала на крышу пристройки. Ржавый лист под её ногой глухо прогнулся, однако выдержал вес. Она сразу отошла к стене соседнего дома, освободив место Грише Антенне.

Старик двигался медленно. Радиостанция тянула его вбок, повреждённое колено плохо слушалось, и каждый шаг приходилось делать так, чтобы коленный сустав не приказал долго жить. Я даже придерживал Антенну за локоть, пока он переносил ногу на нижнюю ступень.

— Дальше сам, — прошептал он.

Антенна спустился на крышу и отошёл к Элине. Следом я подвёл Никиту к краю. Пацан посмотрел вниз, взялся за поручень и сразу поморщился.

— Крыша чутка качается, дядь Серёж.

Ясное дело что никакая крыша не качалась. Качался сам Никита, который все еще приходил в себя.

— Ставь правую ногу на ступень и держись обеими руками, — сказал я.

Пацан послушался. Я обхватил его за пояс и помог спуститься. Никита успел пройти две ступени, когда снизу донёсся резкий металлический грохот. Люди в квартире судя по всему добрались до потайной двери и нашли выход к технической лестнице.

Элина уже приняла Никиту и отвела его к стене. В этот момент ударило по люку, что вел на крышу. Задвижка с внешней стороны прогнулась, край створки приподнялся на несколько сантиметров. В щели показались пальцы, затем люк снова дёрнулся.

— Быстро работают, — шепнула Элина.

Девчонка сразу подняла пистолет, но стрелять не стала. Да и нельзя было, учитывая, что там снаружи двор заполняли молчуны.

Рядом с вентиляционной шахтой лежали доски, куски жести и старый металлический каркас. Я вручил Элине заботу о пацане, сам подхватил короткую доску и вернулся к люку.

Тот снова приподнялся. На этот раз задвижка вылетела из паза, створка пошла вверх, а в проёме появился обрез. Ствол сразу повернулся в нашу сторону.

Я понимая что в любой момент может грохнуть выстрел, прижался плечом к стене и ударил доской по крышке. Створка рванулась вниз, защемила руку мужика, обрез дёрнулся вверх.

Человек за люком выругался и попытался выдернуть оружие. Я тотчас схватил ствол обеими руками и резко потянул на себя.

Мужик удержал приклад. Несколько секунд мы перетягивали обрез через узкую щель, пока он не попытался снова поднять люк плечом.

Я подал оружие немного вперёд, позволив ему перенести вес назад. Потом резко провернул ствол и рванул обрез в сторону.

Раздался короткий хруст. Мужчина вскрикнул, пальцы разжались, и оружие осталось у меня.

Люк снова пошёл вверх. В проёме появилось широкое лицо с рассечённой щекой. Мужик успел просунуть голову и здоровую руку.

— Стойте, суки! — прохрипел он. — Всё равно не уйдёте!

Я взял обрез за ствол и ударил прикладом по краю люка рядом с его пальцами. Мужчина отдёрнул руку, створка опустилась и я навалился на нее сверху всем весом. Люк захлопнулся, за ним прокатился грохот, будто преследователь сорвался с лестницы и собрал по пути всех своих товарищей.

— Сергей, справа прут! — крикнула Элина. Она показала на кусок арматуры, лежавший возле водостока.

Я поднял его и просунул между скобой люка и основанием лестницы. Прут вошёл туго. Пришлось несколько раз ударить по нему прикладом обреза, пока металл не упёрся в стену.

Снизу снова толкнули створку. Люк дрогнул, арматура выгнулась, но осталась на месте.

— Долго не продержится, — заверил Антенна. Он уже стоял возле края крыши и осматривал соседний двор.

— Нам долго и не требуется, — ответил я. — Ведите.

Я вытащил из обреза патроны и сунул их в карман. Оружие бросил подальше от люка, чтобы так просто его не нашли. Тащить с собой ещё один ствол смысла не было, зато преследователям ниче бы не досталось.

Антенна показал вдоль крыши. Пристройка тянулась до противоположной стены, где висела старая пожарная лестница.

— Доходим до края. Лестница спускается во второй двор. Потом через арку в соседний подъезд. В подвале есть проход на другую улицу.

Элина взяла Никиту под руку. Пацан хотел возмутиться, однако первый шаг сразу показал, что спорить тут попросту не с чем. Его повело в сторону, и Элина удержала его за куртку.

Я поднял сумку и встал с другой стороны Никиты.

— Держись за меня. Смотреть под ноги можешь, только голову резко не поворачивай.

Мы двинулись вдоль стены. Жесть под ногами местами просела, возле водостока скопилось мокрая листва. Антенна шёл впереди и вел нас.

За люком снова загремели. Кто-то бил по створке снизу, арматура отзывалась коротким металлическим звоном.

Соседний двор тем временем ожил. Из-за стены доносился треск динамика, поверх него накатывало шипение молчунов. Твари стекались к источнику звука с улицы и из ближайших переулков. Первые уже вошли во двор. Мы их пока не видели, зато слышали, как они цеплялись за ворота, толкались возле арки и сталкивались друг с другом.

Внизу закричал мужик:

— Твари сюда прут! Дверь закрывай на хрен!

— Деда сначала найди! Там аппаратура наверху! — ему ответили из подъезда.

— Да пошёл ты со своей аппаратурой! Их тут намеренно!

Антенна оглянулся на меня. В его взгляде мелькнуло удовлетворение.

— Хорошая запись получилась.

— Отзывы уже слышите, — хмыкнул я.

Мы добрались до края пристройки. Пожарная лестница висела на стене соседнего дома и уходила вниз на четыре метра. Нижняя секция когда-то складывалась, сейчас она застряла в раскрытом положении.

Антенна взялся за поручень и проверил крепления. Металл жалобно скрипнул, но верхние болты выдержали.

Новый удар по люку заставил его сразу поставить ногу на ступень. Старик спустился медленно, перенося повреждённую ногу почти прямой.

Элина пошла следом. Внизу она помогла Антенне отойти от лестницы и подняла голову.

— Давай Никиту!

Я подвёл пацана к краю. Он посмотрел вниз, сглотнул и крепче ухватился за поручень.

— Дядь Серёж, я сам спущусь. Только медленно.

— Спускайся, я подстрахую, — я не стал возражать.

Никита перенёс ногу на первую ступень. Полез, но на середине лестницы остановился и прижался лбом к перекладине.

— Тошнит, — выдохнул он. — Сейчас пройдёт, секунду дайте дядь Сереж.

— Стой спокойно. Глаза закрой и дыши медленнее.

Снизу Элина подняла руки.

— Осталось немного. Никит, переставь левую ногу, дальше я достану.

Пацан сделал ещё один шаг. Элина поймала его за бедро, Антенна поддержал снизу, и вместе они сняли пацана с лестницы.

Я уже собирался спускаться, когда на крыше за спиной раздался звон. Арматура вылетела из скобы и прокатилась по жести.

Люк поднялся. Первый мужчина выбрался на крышу, придерживая повреждённую руку. За ним показался второй.

Я поставил ногу на лестницу и посмотрел на преследователей. Мужчина с рассечённой щекой увидел меня, вытащил пистолет и поднял руку.

Расстояние было большим, стрелять ему приходилось вдоль стены, стоя на прогибающейся крыше. Честно? Я думал, что у него хватит мозгов, чтобы не начинать стрельбу.

Но нет.

Первый выстрел ушёл выше и выбил крошку из кирпича.

Звук прокатился между домами. Шипение во дворе сразу изменилось. Молчуны загудели все разом и двинулись к подъезду, откуда доносились голоса.

— Прекрати палить! — заорал второй мужик. — Твари внизу!

Я спустился на несколько ступеней. Стрелок снова поднял оружие, не собираясь прислушиваться к доводам здравого смысла. Однако крыша под его ногой прогнулась. Он качнулся, выстрелил в сторону и едва удержался на месте.

Пуля ударила по пожарной лестнице выше моей головы. Металл звякнул, по стене посыпалась ржавая пыль.

— Серёж! — крикнула Элина снизу. — Давай быстрее!

Я прошёл оставшиеся ступени и прыгнул во двор. Антенна уже стоял возле арки и махал нам рукой.

— Через подъезд уходим! Подвал справа от лестницы!

Позади снова грохнул выстрел. На этот раз ему ответил общий рёв из соседнего двора. Молчуны добрались до двери дома, часть тварей пошла вдоль стены к пристройке.

Мужик на крыше что-то кричал своему товарищу, однако слова утонули в гуле.

Я подхватил Никиту под плечо.

— Идём.

Антенна уже открыл дверь подъезда и придерживал её ногой.

Мы вошли в соседний дом. Старик закрыл дверь, провернул внутреннюю защёлку и повёл нас вниз.

Подвал встретил сыростью и узким проходом между трубами. Вода стояла местами по щиколотку, под ногами хрустели куски штукатурки. Антенна включил маленький фонарь и пошёл вдоль стены, касаясь рукой ржавых труб.

— Через две секции будет дверь, — сообщил он. — За ней сразу соседний двор. Дальше пройдем под домами почти до Темерницкой.

— Вы здесь экскурсии водили? — спросила Элина. Она помогала Никите переступить через разбитые доски.

Проход несколько раз поворачивал. Один участок пришлось преодолеть пригнувшись под толстой трубой, затем мы прошли через пролом в кирпичной перегородке.

Антенна двигался уверенно. Колено мешало на лестницах, но теперь в подвале старик заметно прибавил ход. Мы вышли в тесный двор через металлическую дверь. Здесь стояли две брошенные машины, возле мусорных баков валялся детский велосипед. Молчунов поблизости не оказалось.

Антенна прислушался, показал налево и повёл нас вдоль домов. Через арку мы прошли в следующий двор, затем спустились в другой подвал.

Путь получался длиннее прямого, зато Садовую мы обошли полностью. Дважды Антенна останавливал нас возле выхода и проверял улицу через щель. В первый раз по дороге брели семь молчунов, во второй возле перекрёстка собралось больше десятка.

Оба скопления мы обошли через проходные дворы.

Никита шёл всё хуже. Он держался за мою руку, часто моргал и почти перестал разговаривать. Возле очередной лестницы пацан остановился и прижал ладонь к виску.

— Голова сильнее болит, — признался он. — И тошнит опять.

Я усадил его на нижнюю ступень и присел рядом.

— Как меня зовут?

— Сергей...

— Где мы сейчас?

Никита оглядел сырые стены.

— В подвале ж наверное. В каком именно, я не знаю. Вы сами меня сюда привели.

Я посветил ему в глаза. Зрачки реагировали, взгляд сохранял ясность. Состояние ухудшалось, и до гаражей требовалось добраться быстрее. Пацану явно требовался отдых на пару дней. Ну и крепкий сон.

Мы вышли из подвала на тихую улицу. Отсюда уже можно было двигаться к гаражам, обходя крупные дороги. Антенна сверился с картой и выбрал путь через частный сектор.

Дома стояли закрытые, калитки местами оставались распахнутыми. Возле одного двора лежала перевернутая детская коляска, дальше ветер гонял по асфальту пластиковую бутылку.

Мы шли быстро. Никита тяжело дышал и время от времени отвечал на вопросы Элины, чтобы не отключиться.

Антенна несколько раз оглядывался, но погони не было. Я думаю эки были заняты тем, что активно размышляли как выбраться из того капкана, в который Антенна, а потом и они сами себя загнали.

Первым людей возле входа в корпоратив заметил я.

Дмитрий стоял внутри, в нескольких шагах от ворот. Пистолет он держал возле бедра, ствол смотрел в землю. Семён Иванович находился левее, следил за улицей и держал свой пистолет обеими руками.

Перед закрытыми воротами стоял какой-то мужик. За его спиной были еще двое с оружием. Один держал охотничье ружьё, второй спрятал руки в карманах куртки, однако правый карман оттягивал тяжёлый предмет.

Я остановился возле угла забора. Антенна тоже все увидел.

— А это ещё кто? — спросил он.

Я промолчал и вышел из-за угла, держа пистолет стволом вниз, но палец лежал вдоль спускового крючка. До ворот оставалось метров тридцать, и за это расстояние я успел рассмотреть незнакомцев внимательнее.

Тот, что стоял впереди, был лет сорока пяти. Крепкий, короткостриженный, с тёмными волосами и спокойным лицом. На ремне у него висел автомат, правая рука лежала рядом с цевьём. За спиной у него держались двое. Мужчина с ружьём заметно берёт левую руку, второй продолжал прятать ладони в карманах.

Незнакомец увидел меня почти сразу. Его взгляд скользнул по пистолету, по рюкзаку Антенны, задержался на Никите, которого поддерживала Элина. После этого мужик снова посмотрел мне в лицо.

Я остановился в десяти шагах от него.

— Правую руку из кармана достань, — сказал я мужику у которого под курткой топорщился ствол.

Тот медленно повернул голову к старшему. Сам решать он не собирался, и это уже кое-что говорило об их компании.

— Илья, покажи руки, — велел старший.

— Там пистолет, — предупредил мужчина. — Если начну вытаскивать, могут неправильно понять.

— Пистолет оставь на месте. Руку вытащи медленно.

Мужик подчинился. Обе ладони оказались пустыми, хотя правый карман по-прежнему оттягивало оружие.

Антенна остановился за моей спиной. Элина увела Никиту ближе к стене, откуда их прикрывал угол забора. Погони за нами не было, однако сегодняшний день уже приучил меня считать спокойствие временным явлением.

Я посмотрел на Дмитрия.

— Что происходит?

Он стоял внутри корпоратива, в нескольких шагах от створок ворот. Судя по положению пистолета, разговор пока шёл мирно, хотя приглашать гостей к столу Дмитрий не торопился.

— Подошли минут пять назад, — ответил он. — Говорят, знают дорогу к Маяку. Хотят поговорить с тем, кто здесь принимает решения.

Старший чуть повернул голову.

— Я спросил, кто здесь отвечает за людей.

— Для начала ответьте сами, — сказал я. — Кто вы?

Он пристальнее посмотрел на меня. Взгляд у него был тяжёлый и неприятный — мужик явно считывал меня, по крайней мере, пытался это сделать.

— Андрей Ломов, — представился он и кивнул на своих спутников. — Со мной Борис Кравцов и Илья Савельев.

Раненый с ружьём коротко кивнул. Илья только поджал губы.

— Остальные где?

Ломов выдержал паузу. По его лицу прошло что-то похожее на одобрение, словно первый правильный вопрос он уже услышал.

— Нас трое, — сухо ответил Ломов.

— Я спросил про остальных.

— Других моих людей поблизости нет.

— Насколько поблизости?

— В пределах нескольких кварталов.

Ломов не врал и смотрел мне в глаза.

Я перевёл взгляд на крыши и проход между гаражами. Всё выглядело спокойно, но особого доверия эта картина не вызывала.

— Антенна, посмотри улицу справа, — сказал я.

— Уже смотрю, — ответил тот, явно удивившись тому как я к нему обратился. — Никого.

Илья усмехнулся. Ломов сохранил серьёзное выражение лица, хотя взгляд на секунду у него потеплел.

— Зачем пришли? — спросил я.

— Увидели дым, потом следы возле перекрёстка. Решили проверить, кто здесь устроился.

— Проверили?

— Частично.

Ломов снова посмотрел на ворота, на Дмитрия, на Семёна Ивановича и на людей, которые начали собираться во дворе. Несколько человек остановились подальше, делая вид, что заняты своими делами.

— Что ещё вам нужно? — спросил я.

Ломов кивнул на Бориса.

— У него порез. Требуется обработать. Ваш человек сказал, что здесь есть врач.

Я посмотрел на Дмитрия.

— Они спросили про помощь, — подтвердил он. — Я сказал ждать тебя.

Молодец...

— Время нынче непростое, — продолжил Ломов. — Полюс медицинского страхования не канает, поэтому за помощь мы готовы заплатить. Патронами или информацией. Выбирайте сами.

— Информация о чём?

— О Маяке, — спокойно ответил Ломов, продолжая смотреть на меня.

Опять же — Ломов не врал, либо я резко разучился разбираться в таких вещах.

— Где находится этот Маяк? — спросил я.

— Нам бы сначала бойца посмотреть, — Ломов кивнул на раненного.

Пальцы мужика забарабанили по автомату.

— Я ищу группы, с которыми стоит разговаривать, — добавил он.

— И решил, что с нами стоит?

— Мы пришли разговаривать, Сергей. Если бы хотели устроить конфликт, выбрали бы другое положение.

— Моё имя откуда знаете?

Он кивнул в сторону ворот.

— Дмитрий назвал.

Я посмотрел на Дмитрия. Тот пожал плечами.

— Сказал, что Сергей сейчас подойдёт.

Ломов чуть развёл руками — мол, все как я говорил. А вот дальше мужик внес чуть больше ясности.

— Я вижу людей у ворот, раненого парня и слишком много направлений, откуда к вам можно подойти. С тремя опытными стрелками здесь станет спокойнее.

Ломов помолчал, видя, что я не реагирую на прозвучавшие слова, добавил:

— Ворота слабые. Охрана держится на нескольких людях. Внутри есть дети. Рано или поздно сюда придёт группа крупнее нашей.

Он говорил всё так же ровно. Мои люди за воротами внимательно слушали.

— Могу помочь усилить периметр, — продолжил Ломов. — Могу дать сведения о дороге. Потом каждый решит, оставаться здесь или идти к Маяку.

— Люди имеют право знать, что есть другое место, — добавил мужик с ружьем.

Ломов посмотрел на меня прямо.

— Я пришёл к воротам и говорю открыто, Сергей.

За воротами зашептались. Я различил слова «вода» и «электричество» и конечно же «Маяк». Ломов услышал их тоже и на этот раз он позволил себе короткую улыбку.

Пожалуй теперь я окончательно понял, зачем он пришёл. Раненая рука Бориса давала повод остановиться возле ворот. Патроны и сведения открывали разговор. Маяк должен был сделать остальное.

— Здесь не те люди, которые откажут в помощи раненному, — заговорил я. — И я оценил ваш заход, но стреляю я без предупреждения.

Ломов внимательно выслушал и кивнул.

— Принимается.

— Дальше я задам вопросы. Если ответы меня устроят, решим, что делать с раненым и вашим предложением, — обозначил я.

— Правильный порядок, — согласился Ломов.

Я видел этого человека впервые. Он ещё ничего у нас не получил, ничего не потребовал и даже оружие держал опущенным. При этом половина двора уже слушала, как хорошо живут на Маяке. И вот это мне нисколько не нравилось.

Глава 7

Открывать ворота я не спешил — подошёл к узкой щели между створками. Дмитрий встал справа от меня, Семён Иванович продолжал следить за улицей, а Антенна расположился у угла забора и поглядывал на крыши.

— Теперь оружие разрядите, — велел я. — Магазины положите отдельно, патроны из ружья тоже выньте. Стволы поставьте к стене, затворы оставьте открытыми. Подходить будете по одному.

Ломов несколько секунд рассматривал меня, словно пытался понять, где заканчиваются меры предосторожности и начинается желание показать власть. Потом перевёл взгляд на закрытые ворота и слегка качнул головой.

— Всех так встречаешь, Сергей? — спросил он.

Голос у него оставался спокойным, хотя распоряжение ему явно пришлось не по вкусу.

— Тех, кто приходит с оружием, — обозначил я.

Ломов повернулся к своим людям. В его голосе сразу появилась привычная командная твёрдость.

— Разрядить оружие. Патроны положить рядом, затворы открыть. Движения делайте медленно, чтобы хозяева ворот не нервничали.

Последняя фраза предназначалась скорее Илье. Тот скривился, однако полез в карман осторожно, взял пистолет за рукоять и положил его на асфальт стволом к стене.

Борис поставил ружьё прикладом на землю и начал вытаскивать патроны. Левая рука слушалась плохо, поэтому Ломов подошёл к нему и молча придержал оружие, пока тот открывал затвор.

Свой автомат Ломов разрядил последним. Он отсоединил магазин, несколько раз передёрнул затвор, после чего повернул оружие так, чтобы я увидел пустой патронник. Мне же было интересно другое — достанет ли мужик ещё один ствол, который был спрятан у него под курткой.

Достал.

— Ещё один пистолет под курткой, — сообщил он. — Нож на поясе, складной нож в правом кармане.

— Выкладывай всё, — сказал я.

Илья посмотрел на него с заметным раздражением. На эков эта компания была не похожа.

Ломов расстегнул куртку, достал второй пистолет и положил его рядом с автоматом. Следом на асфальт отправились оба ножа.

— У остальных? — спросил я.

Глаз с их рук я не сводил.

— У Бориса охотничий нож в рюкзаке, у Ильи складной в левом кармане, — ответил за своих бойцов Ломов. — Больше оружия нет.

— Достаём, — велел я.

Мужчины молча достали ножи после того, как Ломов снова повторил мои слова своим тоном. Получалось, что его люди слушались своего командира, хотя порядок задавал я.

Дмитрий покосился на меня. Он тоже заметил эту мелочь, но обсуждать её возле ворот смысла не было.

— Первым подойдёт Борис, — решил я и повернулся к мужику. — Руки держи так, чтобы их было видно. Остановишься в двух шагах от калитки.

Борис посмотрел на Ломова. Тот коротко кивнул, после чего раненый двинулся к воротам.

Дмитрий приоткрыл ворота. Я проверил карманы Бориса, затем попросил его медленно снять рюкзак и поставить на землю. Семён Иванович тотчас его подобрал.

— Заходи, — велел я.

Борис зашёл на территорию кооператива, и я показал ему идти к гаражу, где мы уже проводили фильтрацию. Тот не сопротивлялся и делал всё, что я говорил. Я прекрасно понимал, что в моё отсутствие эта троица вполне могла взять наш кооператив. Слишком хорошо были обучены эти ребята. Но делать они этого не стали. Формально тот повод, который они называли, был пустяковым. Я не верил в это.

Но что-то заставило всех троих сознательно играть по моим правилам.

Что?

Вот это и предстояло выяснить, для того я и намеревался допросить каждого из них по отдельности.

Правда, и тут я хорошо понимал, что как минимум Ломов осознаёт, что я задумал, и никак этому не препятствует. Подготовились? А вот сейчас и посмотрим.

Борис зашёл в пустой гараж и встал, широко расставив ноги и ожидая моих дальнейших распоряжений.

— Полное имя? — спросил я.

— Борис Андреевич Кравцов.

— Откуда пришёл?

— Из района старого хлебозавода. Последние два дня шли через промзону.

— Где ночевали?

— В автосервисе на улице Механизаторов.

— Номер здания?

Борис задумался и оглянулся на Ломова, который стоял у ворот и не слышал нашего разговора.

— Дом восемнадцать. Вывеска «АвтоКласс», половина букв уже отвалилась.

Борис провёл языком по пересохшим губам.

— Кто ещё там находился?

— Когда пришли, никого уже не было. Следы свежие оставались, посуда стояла на столе. Деталей он называл более чем достаточно. Но я всё же решил уточнить:

— Сколько тарелок было на столе?

— Три, — спокойно ответил мужик.

Вот на таких деталях чаще всего и сыпались во время допроса. Я кивнул на руку Бориса, рана пряталась за пропитавшимся кровью бинтом.

— Ранение где получил?

— Возле железнодорожной насыпи. Полез через разорванную сетку и распорол руку.

— Когда?

Борис снова посмотрел на Ломова.

— Около десяти утра, мы прошли под мостом через двадцать минут после этого.

— Вчера или сегодня?

— Сегодня, — ответил Борис. — Часа четыре назад.

Я попросил Семёна Ивановича принести рюкзак. Тот поставил рюкзак у ног Бориса.

— Показывай, что у тебя там, — велел я.

Внутри лежали два сухих пайка, бутылка воды, запасные носки, моток тонкого провода, небольшая аптечка и охотничий нож в кожаном чехле.

Явно не случайный набор гражданского, бегло спасавшего свою задницу.

Я продолжил расспрашивать его про станцию, дороги и людей, которых они видели. Борис отвечал ровно, хотя боль постепенно делала его раздражительным.

Когда вопросы закончились, я велел Семёну Ивановичу отвести его к нашему доктору.

Следующим подошёл Илья. Его звали Илья Павлович Савельев. Ночёвку в автосервисе он описал так же, хотя время выхода назвал неточно.

— Андрей поднял нас, когда уже рассвело.

Расхождение выглядело обычным. Люди редко запоминали минуты одинаково, особенно после ночёвки на грязном полу и прогулки по городу с оружием. А вот количество тарелок мужик назвал точно.

У Ильи нашлись два магазина к автомату, коробка пистолетных патронов, фонарь, батарейки и вторая бутылка обеззараживающего раствора.

— Кто знает дорогу к Маяку? — прямо спросил я.

— Андрей знает полностью, — без колебаний ответил мужик.

Илья отвечал менее охотно, однако прямых противоречий я пока не услышал. Закончив с ним, я вызвал Ломова.

Он подошёл к калитке, остановился в указанном месте и сам расстегнул куртку. Карманы выворачивал спокойно, позволяя Дмитрию проверить каждый.

— Полное имя?

— Андрей Викторович Ломов.

— Откуда пришли?

— Автосервис на Механизаторов, дом восемнадцать. Вошли около девяти вечера, вышли в семь двадцать утра.

Этот отвечал чётко и без малейшей запинки, и никаких расхождений с ответами Бориса и Ильи в ответах Ломова не было.

Наверное, правильным было дожждаться, пока Инна Павловна осмотрит раненого, и попрощаться с этими людьми. Однако приходилось признать, что Ломов говорил правильные вещи, когда мы стояли снаружи. Оборона кооператива была явно дырявая. А учитывая, что в любой момент у ворот могли появиться нехорошие люди...

В общем, подумать было над чем. В текущих обстоятельствах три опытных стрелка нам явно бы не помешали.

— Ты знаешь, где Маяк? — спросил я у Ломова, когда закончил досмотр и опрос.

— Могу на карте показать, — ответил Ломов.

Он достал карту из своего рюкзака. Развернул её. Это была карта района, именно района, не города. Чёрт его знает, откуда он её взял, но на карте многое было доработано и подписано от руки. Сама карта была советских времён и определённо требовала уточнений.

На бумаге были отдельно отмечены основные улицы, перекрытия, две стоянки брошенных машин и несколько проходов через дворы. А ещё на карте стояли белые метки. Одна из них возле «сервиса» обозначалась небольшим крестом.

Оказалось, что это и есть их отправная точка, откуда они вышли утром.

Я присел возле схемы и уточнил расположение белых меток. Их здесь было предостаточно. Парни, похоже, использовали «сервис» как базу, с которой разведывали местность и наличие белых стрелок. Грамотно, что тут ещё скажешь — и сегодня утром они решили идти к загадочному Маяку, но один боец посередине пути получил травму.

Все мои домыслы подтвердил Ломов.

— Почему не дошли до Маяка? Рана не настолько серьёзная, — спросил я.

— Потому что раненых туда не берут, — без какой-либо паузы ответил он.

Можно было, конечно, сказать что-то вроде «такой большой, а в сказки верит», но сказать это не поворачивался язык. Эти трое явно дружили с головой, и Маяк для них не был сказкой. Они знали, куда идут.

Я помолчал, смотря прямо на Ломова.

— Лиза вас не интересуется?

Ломов едва заметно приподнял бровь.

— Я не знаю, кто такая Лиза, — ответил он.

Я смотрел на него ещё несколько секунд. Ломов выдержал взгляд спокойно.

И на этот раз он тоже не врал.

— Вы хотите остаться? — спросил я.

— Я, кажется, сразу это сказал, — Ломов мягко улыбнулся. — Повторю, что трое опытных стрелков тебе тут не помешают. Так что я, Илья и Борис в полном вашем распоряжении.

— Вы военные?

— Ветераны, в Ростове гуляли и должны были возвращаться на передок. А я даже не знаю... есть ли этот передок теперь, — вздохнул Ломов.

Я помолчал, принимая непростое решение.

— Хорошо. Вы можете остаться, пока Инна Павловна залатает бойца.

— Буду должен, — заверил Ломов и протянул мне руку, чтобы закрепить нашу договорённость.

— Оружие пока останется у нас, — обозначил я.

— Хозяин — барин, — согласился Ломов. — Я в чужой монастырь со своим уставом не прихожу.

Только после этих слов я пожал руку этому человеку. Рука у него была сухая и мозолистая.

Я же вышел из гаража, в котором мы разговаривали, взял пистолет Ломова, проверил магазин и патронник.

— Этот можешь оставить, — сказал я, протягивая ему ствол.

Ломов принял пистолет и убрал его в поясную кобуру. Лицо осталось спокойным, хотя решение его явно заинтересовало.

Ломов посмотрел на меня, после чего застегнул куртку, пряча кобуру с пистолетом подальше от посторонних глаз.

— Правила у тебя строгие, — сказал он. — Зато в них хотя бы есть смысл.

Инна Павловна уже занималась раной бойца. Она усадила Бориса на перевёрнутый ящик и снимала грязную повязку. Рана действительно оказалась неприятной — глубокой, хотя сухожилия, судя по движениям пальцев, остались целы. Кожа вокруг пореза покраснела и заметно распухла. Для такой раны держался Борис мужественно.

— Чем-то обрабатывали или промывали? — спросила Инна Павловна. Она осторожно раздвинула края раны и нахмурилась.

— Водой промывал, командир налил что-то из аптечки... — ответил Борис.

— Что именно?

Борис посмотрел на Ломова. Тот достал из рюкзака пластиковую бутылку с раствором и передал её Инне Павловне.

— Этим обрабатывали. Вторая бутылка целая.

Доктор прочитала надпись на этикетке и кивнула.

— Подойдёт. Рану придётся промыть ещё раз, потом решим насчёт швов.

Ломов положил рядом упаковку батареек и вторую бутылку раствора.

— Это за помощь. Батарейки новые, упаковку вскрыли только для проверки.

Инна Павловна ничего не ответила и занялась Борисом. Илья остался рядом, а Ломов отошёл со мной к воротам, откуда всё ещё видел своего человека.

Остальные люди нашего «городка» явно ждали объяснений и то и дело поворачивались в нашу сторону. Собрание придётся проводить обязательно. Но сначала мне следовало отдельно поговорить с Ломовым о том месте, при упоминании которого у многих кружилась голова.

О Маяке.

— Теперь рассказывай, — сказал я. — Что представляет собой Маяк?

Ломов прислонился плечом к металлической стойке. Пистолет оставался под курткой, руки он держал на виду.

— Точно я не знаю, но, по моим расчётам, это бывший логистический комплекс. Территория около десяти гектаров, забор высокий, сверху сварная сетка. Внутри склады, административный корпус, ремонтные боксы, своя скважина и два дизельных генератора.

— Как ты это понял? — спросил я.

— Разведка — наше всё, — ответил Ломов и мягко улыбнулся. — Ну и с кое-кем удалось пообщаться, появилось чуточку больше конкретики...

Я кивнул, обдумывая его слова. Ранее реальность Маяка, чем бы ни было это место, уже подтвердил Антенна. Теперь то же самое говорил Ломов. Отныне сомневаться в том, что это место действительно существует, не приходилось.

— Это от государства? — спросил я. — Сколько там людей?

— Я не знаю, — честно ответил Ломов. — Ни сколько там людей, ни является ли это место государственным образованием... Хотя, наверное, самого государства уже нет.

Далее Ломов ещё раз, но уже подробнее пересказал мне всё, что знает об этом интересном месте.

Судя по тому, что в Маяк принимали только «равных», это была стремительно формирующаяся община. И единственной её целью было, скажем так, упорядоченное выживание. Попытка сохранить некие общественные институты...

Логично, потому что вместе и организовано выживать куда как проще. По крайней мере, пока. А ещё легче, если брать в свои ряды только крепких людей, обученных профессионалов и взимать с каждого «вновь входящего» мзду.

— Вроде как там есть совет, и он распределяет запасы, разбирает споры и утверждает правила, — продолжил рассказывать Ломов.

— Как принимают новых, ты полагаю, в курсе? — спросил я.

— Сначала разговаривают у внешних ворот и проверяют — пришёл ли ты случайно или сообразил, как построить маршрут.

— Если случайно, как понимаю, таких разворачивают?

Ломов коротко кивнул.

— Принимают только достойных.

— А заражённых расстреливают?

Мужик помолчал, и я понял, что он прикидывает — стоит ли говорить следующие слова.

— Не только заражённых, но и всех тех, кто не прошёл проверку, — наконец сказал он. — Звучит дерьмово, я это понимаю. Но думаю, что ты согласишься со мной — в нынешних реалиях это рабочий вариант. Не самый хороший, но тающие на глазах запасы на полках магазинов дают ему право на жизнь.

Прозвучало жёстко. Тех, кто не приходился ко двору этого Маяка, попросту убивали. И делали это, следуя логике — слабым в этом мире места нет.

Право сильного.

Холодный расчёт, подкреплённый осознанием, что благ, которые остались от вмиг рухнувшей цивилизации, надолго не хватит.

Я уловил, что Ломов наблюдает за моей реакцией на эти слова. Теперь становилось более понятным его решение не идти к Маяку до того, как рана одного из его людей заживёт.

— Если человек подходит, он сдаёт оружие, проходит осмотр и сутки проводит в карантинном секторе. После этого ему дают место и работу, — продолжил мужик свой рассказ. — Больше я ничего не знаю. К сожалению, рассказчик, который мне всё это поведал, умер, не договорив.

Ломов развёл руками, как будто виновато.

— Где ты его нашёл?

— Он и ещё трое ставили по городу метки, а заодно обносили все ближайšie магазины продовольствия. Логика там простая — набить склады Маяка до отвала...

Картинка складывалась всё чётче.

— Кто решает, сколько человек стоит? — уточнил я.

— Я не знаю.

— Потому решил не рисковать с раненым.

Вместо ответа Ломов лишь медленно кивнул, подтверждая моё очередное предположение.

— И зачем тебе туда?

— Ровно затем, зачем ты организовал здесь общежитие, — пояснил Ломов. — Выжить даже втроём шансов мало. А там...

Он запнулся и не договорил.

— Что там?

— Ничего, — мужик медленно покачал головой.

На этом наш разговор подошёл к концу. Ломов всё это время говорил спокойно и конкретно. Красивых обещаний про всеобщее спасение от него не прозвучало. А что прозвучало, так это правда нынешней жизни. Но даже такая, вся неправильная по прежним нормам морали, эта правда заставляла людей верить, что где-то есть место лучше, чем то, в котором они находятся сейчас.

— В чушь про то, что там есть электричество, горячая вода и прочие блага, я не верю, — заключил Ломов. — Но во что я верю, так это в то, что там есть организация, а это гораздо важнее сейчас, чем всё остальное. Да и других вариантов, так сказать, альтернативных, я не знаю. Я думаю, что ты понимаешь, Сергей, что долго даже в группе ты в кооперативе не выдержишься.

Я ничего не ответил на эти слова. Спорить с этим было бессмысленно. Как и говорить Ломову о том, что гаражи являются лишь перевалочным пунктом для того, чтобы подготовиться и вновь попытаться выйти из города. Эту информацию ему было совершенно незачем знать.

Что такое Маяк, мне было более-менее ясно. Принцип работы этого места я тоже понял. Однако на один вопрос ответа у меня не было. Зачем эти люди, установившие на территории комплекса свой порядок, зазывали к себе людей, умалчивая о том, что членами сообщества могут стать далеко не все?

И тот ответ, который напрашивался после всего услышанного от Ломова, заставил меня поёжиться. Озвучивать его вслух я не спешил.

Кто такой Ломов, я тоже пока не до конца понимал.

Глава 8

Разговор с Ломовым закончился, однако двор расходиться не собирался. Здесь уже собрался честной народ. И все они активно обсуждали новые сведения о Маяке.

Всего за несколько минут скважина на Маяке успела обзавестись насосной станцией, генераторы снабжали электричеством жилые корпуса, врачи принимали больных круглые сутки, а по стенам ходили военные с пулемётами, обеспечивающие безопасность всех и каждого.

— Горячую воду включают вечером, — уверенно сообщил Вадик. — Один человек вроде сам видел.

Павел повернулся к нему и окинул внимательным взглядом.

— Он прямо оттуда пришёл? Мокрый, с тазиком и полотенцем через плечо?

Вика закрыла рот ладонью, Семён Иванович усмехнулся в усы, а Вадик насупился. Двор уже начал превращать Маяк в санаторий с вооружённой охраной, романтизируя его, поэтому ждать продолжения я не стал.

— Дима, собери людей, — распорядился я. — Проведём совещание.

Дмитрий сразу пошёл вдоль гаражей. Я перехватил Элину, когда она проходила мимо с тазом, где лежали использованные бинты.

— Никиту уложи в тихом боксе, — попросил я. — Пусть пацан приходит в себя.

— Никита уже объявил себя полностью здоровым. — Элина улыбнулась. — Правда, подняться с дивана для подтверждения диагноза отказался.

— Проследи за ним, он явно к тебе неровно дышит.

Элина улыбнулась и направилась к жилым гаражам. Возле медбокса Инна Павловна продолжала промывать руку Бориса. Тот сидел на ящике, стискивая зубы, — без нормального обезбола мужику приходилось терпеть.

Через несколько минут собрались почти все. Лена подошла последней, проверив внутреннюю дверь и детей. Инна Павловна осталась у Бориса, но створка медбокса была открыта, поэтому слышала она каждое слово.

Я встал посередине перед людьми, выстроившимися полукругом. Передо мной находились люди, которые неделю назад прошли бы мимо друг друга на улице, а теперь делили воду, продукты, дежурства и все возможные неприятности.

— Сначала познакомимся, — сказал я и показал на Антенну. — Григорий Семёнович. Специалист по радиосвязи. Последние несколько дней он слушал эфир, записывал передачи, отмечал белые знаки и собирал маршруты по городу. Существование Маяка подтвердил раньше нас.

Антенна кивнул, подтверждая мои слова.

— Здрасьте, здрастье, люди добрые.

Он поставил перед собой станцию и следом положил на неё два журнала и свёрнутую карту.

— Аппарат полностью исправен, аккумулятор заряжен примерно наполовину, — сообщил Антенна. — Журналы при мне, карта тоже. Из недостатков могу предъявить возраст и большое колено.

— Ничего, проблемы есть у всех, — отозвался Семён Иванович, скрещивая руки на груди.

Антенна посмотрел на него поверх своих очков, задержал взгляд и коротко кивнул, словно признал достойного соперника.

— Сегодня бежавшие эки пытались забрать Григория Семёновича вместе с оборудованием, — продолжил я. — Сделать этого мы им не дали. Мы вынесли основную аппаратуру

и ушли другим маршрутом. После этого я предложил ему прийти к нам и получить какую-никакую, но крышу над головой.

Павел сразу посмотрел на ворота.

— Эки знают, куда он ушёл?

— Точного адреса у них нет. Они видели группу, могли проследить часть пути или пройти по нашим следам. Считать историю законченной пока рано, — честно заверил я.

Антенна положил ладонь на корпус своей станции.

— Если найдут, придут за мной и техникой. Эти граждане рассчитывали обменять аппаратуру на проход к Маяку или другую ценную услугу. Возле моего дома я насчитал восемь человек. Остальные держались поблизости.

— Сколько остальных? — спросил Дмитрий.

— Точную цифру назвать не могу, — ответил Антенна. — Но по голосам, следам и движению в соседних дворах выходило около двух десятков человек. Часть могла уйти в другие районы.

Я дал людям несколько секунд, чтобы переварить поступившую информацию, затем показал на троих возле наружной стены.

— Теперь про гостей. Андрей Ломов, Борис Кравцов и Илья Савельев. Все трое ветераны. Пришли получить сведения о Маяке и попросили помочь раненому.

Ломов слегка наклонил голову. Илья остался у стены, скрестив руки на груди. Борис при слове «раненый» попробовал пошевелить пальцами левой руки и сразу получил от Инны Павловны лёгкий удар по костяшкам.

— Сиди спокойно, герой, — велела она. — Ещё раз дёрнешься, и я тебе могу случайно руку не туда пришить.

Я дождался, пока Инна Павловна снова взялась за рану.

— Ломов и его люди пока остаются гостями. До утра они находятся отдельно от остальных. Во внутреннюю часть не заходят, к запасам и оружейному гаражу доступа не получают. Завтра примем решение по их дальнейшему статусу.

Павел перевёл взгляд на куртку Ломова. Пистолет под ней разглядеть было трудно, хотя о нём уже знали люди, участвовавшие в досмотре возле ворот.

— Один ствол у него всё-таки остался, — сказал Павел. — Зачем оставили?

— Ломов добровольно сдал автомат, второй пистолет, ножи и патроны. О втором пистолете сообщил сам, хотя мог промолчать. Один ствол я вернул ему под личную ответственность. Мы знаем, кто его носит, где он находится и сколько патронов лежит в магазине. А учитывая, что вокруг полно бежавших эков... — я развёл руками.

Павел задумчиво почесал щёку.

— Допустим, он передумает соблюдать правила.

Я посмотрел на Ломова. Тот встретил мой взгляд спокойно, чуть сдвинув полы куртки, чтобы рукоять пистолета оставалась видна.

— Тогда этот пистолет станет самой маленькой его проблемой, — заверил я.

— Пока мы здесь, мы выполняем ваши правила. Я согласился на эти условия возле ворот и отказываться от своих слов не собираюсь, — ответил Ломов.

Павел больше вопросов не задавал. Дмитрий подошёл ближе и остановился рядом со мной, показывая остальным, что решение принято вместе с ним.

— Теперь Маяк, — продолжил я. — Он существует. Дорога к нему существует тоже. На территории работают генераторы и скважина, есть охрана, склады и внутренний порядок.

Вадик переглянулся с Викой. Кто-то возле стены спросил про врачей, однако я поднял ладонь, и разговоры прекратились.

Я, по сути, подтвердил всё, что так привлекало людей в этом месте. Отрицать это было как минимум глупо и в мои планы точно не входило. Но тут следовало добавить ложку дёгтя в эту бочку мёда, чтобы у людей было полное представление о Маяке без приукрасов.

— Полных условий приёма у нас пока нет, — продолжил я. — Туда берут специалистов, вооружённых людей и владельцев пропусков. Раненых могут развернуть. Людей, которые не проходят проверку, по имеющимся сведениям, убивают.

Вика крепче взяла Вадика за руку. Артём сразу нахмурился, а Семён Иванович перестал улыбаться.

— Где убивают? — спросила Лена. — Прямо возле входа? А зачем они это делают, Сергей?

— Этого мы пока не знаем. Григорий даст записи и карту. Ломов покажет маршрут и свои отметки. После этого сравним сведения и проверим всё, что сможем проверить, — пояснил я следующий порядок действий.

— Я отвечу на вопросы и покажу дорогу, которой шли мы, — подтвердил Ломов. — Часть рассказов про Маяк придумана по пути от одного костра к другому. Охрана, генераторы и организованный приём существуют точно. Остальное требует проверки.

— Я понимаю, что первое, чего хочется каждому, когда он слышит, что есть место безопаснее и комфортнее, — это пойти туда. — Я начал подводить черту. — Но пока туда никто не уходит, пока сведений недостаточно. После проверки каждый решит сам: остаётся он в кооперативе или отправляется к Маяку.

Дмитрий повернул ко мне голову.

— Каждый сможет уйти? Это как, Сергей? Просто соберёт вещи и пойдёт? — Насторожился он.

Вопрос был резонный.

— Удерживать людей силой я не стану. Человек забирает личные вещи и уходит туда, куда считает нужным, — обозначил я свою позицию.

Я обвёл взглядом собравшихся. Некоторые уже смотрели на складской гараж, поэтому следующую часть стоило произнести сразу.

— Общая вода, продукты, лекарства, оружие, аккумуляторы и оборудование остаются здесь. Эти запасы добывали вместе и использовали для общей защиты. Делить склад перед уходом никто не будет.

— Допустим, человек принёс своё оружие, — сказал Павел. — Оно тоже станет общим?

— Личная вещь остаётся личной, пока владелец сам не передал её в общий запас. Каждый спорный случай разберём отдельно. Сегодня никто никуда не собирается, поэтому инвентаризацию наследства проводить рано.

Семён Иванович нахмурился и потёр подбородок.

— Правильно. Горячего душа ещё никто не видел, так что и дёргаться, пока не проверим всё, рано.

Я прекрасно понимал, что стереть мысли о Маяке как о чёртовом оазисе не получится. Да и не нужно, на самом-то деле. Что, если место действительно стоило тех надежд, которые возлагались на него?

— Обсуждать Маяк можно, — продолжил я. — Слухи тоже запретить не получится. Но я предлагаю все вместе принять решение, которое станет осмысленнее.

— Записи могу включить вечером, — сообщил Антенна. — По очереди и на малой громкости. Там встречаются интересные объявления. Особенно полезно слушать паузы между ними.

Артём сразу поднял руку.

— Аппаратуру покажете? У нас есть аккумуляторы, провода и преобразователь. Питание соберу и вообще могу вам помочь.

— Покажу, — ответил Антенна. — Сначала вымоешь руки. Потом объясню, к каким ручкам разрешается прикасаться.

— Я электрику здесь собирал... — Немного смутился Артём.

Я дождался, пока разговор снова утихнет.

— Теперь решаем вопрос с Григорием Семёновичем. Я привёл его сюда по собственному решению и считаю полезным для этого места. Постоянное место означает общий паёк, воду, защиту и право пользоваться нашими запасами. Такое решение касается всех.

Дмитрий посмотрел на радиостанцию, затем на сложенную карту.

— Связист нам точно нужен. Только людей уже больше, чем нормальных мест. Куда его укладывать и где ставить оборудование?

— Возле мастерской есть нормальный сухой бокс, — сразу ответил Артём. — Там половину барахла можно переставить на верхние полки. Станция встанет у верстака.

Инна Павловна закончила стягивать края раны Бориса, закрепила повязку и сняла перчатки. Только после этого она подошла ближе.

— Колено у него плохое, — сказала она. — Далеко ходить не сможет. Лекарства и помощь ему тоже могут понадобиться.

— Колено моё, лекарства ваши, а вот работа общая, — ответил Антенна и широко улыбнулся. — Ходить могу, дежурить тоже способен. Ну и, как я сказал, связь подниму, карты обновлю и эфир буду слушать. По нынешним временам почти идеальный работник.

— Скромный ещё, — добавил Семён Иванович. — А вообще один толковый старик часто заменяет трёх молодых балбесов. Иногда четырёх, когда молодёжь особенно талантливая.

Павел снова перевёл взгляд на ворота.

— Зёков он сюда за собой привести всё-таки мог, — прошептал он так тихо, что услышал только я.

— Мог, — согласился я. — Поэтому сегодня удваиваем наблюдение и проверяем ближайшие дворы. Но выгонять связиста обратно под нож из-за возможной погони я не стану.

Наконец я поставил вопрос прямо, чтобы принять окончательное решение.

— Григорий Семёнович остаётся в Узле на общих условиях, подчиняется нашим правилам и отвечает за связь. Кто против?

Люди переглянулись. Дмитрий посмотрел на Лену, Лена перевела взгляд на Инну Павловну, Павел ещё раз оценил старика и его аппаратуру.

Семён Иванович кашлянул в кулак.

— Ты спросил, кто против. Я за, если это имеет значение для протокола.

— Я за...

— И я... — послышались голоса в поддержку решения оставить старика Антенну в нашем кооперативе.

Того, кто высказался бы против, не нашлось.

Я повернулся к Григорию Семёновичу и протянул ему руку.

— Тогда всё. С этого момента ты с нами, Антенна.

Он посмотрел на мою ладонь и пожал её. Пальцы у старика оказались крепкими, а само рукопожатие было коротким.

— Вот так сразу Антенна? — спросил он. — Отчество уже отменили?

— Григорий Семёнович слишком долго кричать во время тревоги, — пояснил я.

— Разумный подход. Антенна так Антенна.

Ломов всё это время стоял чуть поодаль. Теперь он медленно оглядел двор, задержал взгляд на Дмитрие, Павле, Артёме и новом связисте, после чего посмотрел на меня.

Сказать ничего не сказал. Выносить на голосование вопрос о нём и его людях сейчас не имело смысла. Они сами ещё не озвучили, хотят ли остаться в нашем кооперативе или пойдут дальше.

— Собрание окончено, — сказал я.

Люди начали расходиться, возвращаясь к своим делам.

Мне же дальше следовало заняться хозяйством, прежде всего теми делами, которые не могли ждать. Я жестом подозвал Дмитрия. За последнее время он вместе с Элиной фактически стал моим заместителем в кооперативе. Во дворе оставались трое гостей, раненый, новый связист с аппаратурой и оружие, сложенное возле стены. Всё это требовалось привести в порядок раньше, чем кто-нибудь проявит лишнюю самостоятельность.

— Дима, стволы надо перенести в оружейный гараж, — распорядился я. — Пусть Элина запишет каждую единицу, магазины и патроны посчитаете отдельно. И проследи за тем, чтобы Артём освободил сухой бокс возле мастерской. Антенна развернёт там свою связь.

Артём сразу ухватил переносную станцию обеими руками. Антенна поднял сумку с журналами и прижал к боку свёрнутую карту.

— Корпус держи ровно, — предупредил он. — Она у меня там на соплях держится, а чинить тут попросту нечем.

— Я аппаратуру не роняю, — буркнул Артём, которому не совсем нравилось, что Антенна взял шефство и сделал это максимально органично.

Дмитрий быстро подтащил пластиковый ящик и начал складывать внутрь оружие. Автомат Ломова лёг рядом с ружьём Бориса, следом отправились второй пистолет Ломова, пистолет Ильи, магазины, коробки с патронами и ножи.

Элина раскрыла тетрадь и стала записывать каждую позицию.

— Автомат, один. Магазины к нему — четыре единицы. Патроны россыпью, две коробки и один пакет. Ружьё, патронов двадцать три...

Девчонка запнулась, потому что Илья вдруг поставил ботинок перед ящиком, когда Дмитрий уже взялся за него, готовый поднять.

— Патроны оставьте ближе, — сухо сказал он. — Хотя бы один магазин к моему пистолету. Если сюда полезут, бегать за оружием через весь двор будет поздно.

Дмитрий продолжал держать ящик. По нему было видно, что желание убрать чужой ботинок вручную уже появилось.

— Ногу убери, — вмешался я. — Оружие хранится там, где его контролируют наши люди.

— Мы тоже можем понадобиться вашим людям. Тогда потеряете время.

— Когда понадобится, получите стволы из рук Дмитрия. Сейчас делай то, о чём мы договорились.

Илья остался на месте. Ломов сидел рядом с Борисом и всё прекрасно видел. Но он позволил паузе затянуться, словно хотел понять, насколько далеко зайдёт его человек.

— Илья, вернись, — произнёс он наконец. — Мы приняли местные правила до утра. Выполняй договорённость целиком.

— Я хочу понимать, что будет при нападении.

— Сергей выдаст оружие тем, кому сочтёт нужным. После этого получишь позицию и задачу.

Илья молча убрал ботинок и вернулся к своим. Дмитрий поднял ящик, а Элина закончила список и прижала страницу ладонью.

— Всё записано. Ключ от оружейного гаража остаётся у Димы?

— Да, — подтвердил я.

Дмитрий понёс ящик к дальнему боксу. Элина пошла следом, продолжая сверять записи с содержимым.

Инна Павловна тем временем вернулась к Борису и проверила наложенную повязку. Он держал руку на колене, смотрел прямо перед собой и только по тёмному пятну между лопатками выдавал, насколько неприятной оказалась процедура.

— Пальцами пошевели, — велела Инна Павловна. — Медленно, каждым по отдельности. Борис согнул пальцы, разогнул и попробовал сжать кулак. Инна сразу же перехватила кисть и вернула ладонь в прежнее положение.

— Нагрузку на руку желательно не давать несколько дней, иначе разойдутся швы, — выдала она рекомендацию.

— Правой рукой я работать могу, — заявил Борис. — Если потребуется что-то таскать или укреплять ворота, сидеть здесь смысла мало.

— Швы разойдутся. — Врач покачала головой. — Работать будешь только после моего разрешения.

Борис повернулся к Ломову, рассчитывая на поддержку. Тот открутил крышку бутылки и протянул ему воду.

— На, попей и делай то, что тебе говорят.

Инна Павловна поправила перевязь, чтобы раненая рука оставалась приподнятой, и наконец удовлетворённо кивнула.

Потом покосилась на меня.

— С такими темпами, Сергей, у нас здесь будет целое поселение. И я даже не знаю, хорошо это или плохо.

Я ничего не ответил.

— Еду мы принесли свою, если что, обедать никого не планируем, — сказал Ломов, видимо, подслушав наш разговор. — Вода понадобится, но мы отработаем.

— Канистру с водой поставим возле медбокса. Кружки получите там же. Остальные запасы используете свои, — заключил я.

Забавно было наблюдать за тем, как старательно Ломов подчиняется моим приказам. Этот человек явно привык командовать...

Илья перенёс рюкзаки троицы к гаражу у ворот. Поставил их так, чтобы видеть ворота и двор одновременно. Ломов остался рядом с Борисом, сохранив пистолет под курткой.

А рядом со мной появилась Элина.

— Никита требует вернуть его в строй, — сообщила она. — Говорит, что от лежания голова болит сильнее.

Инна Павловна взяла фонарик и чистую салфетку.

— Сейчас выясним причину. Как же вы за ним недоглядели-то? — Врач вздохнула.

Мы вошли в гараж медбокса. Никита лежал на сложенных в несколько раз тряпках, заменивших матрас, подложив под голову свёрнутую куртку. Увидев меня, он сразу сел.

— Дядь Серёж, я уже нормально себя чувствую. Могу возле ворот посидеть или помочь Антенне с проводами. Чё надо делать?

— Начнёшь с простого задания. Ложишься обратно и выполняешь всё, что скажет Инна Павловна.

— Так-то я уже полчаса лежал.

— Значит, опыт имеется.

Никита остался сидеть. Инна Павловна взяла его за подбородок, повернула к свету и посветила в глаза.

— Смотри на палец. Голову держи ровно, вот так, да. Глазами следи за пальцем.

Она провела пальцем перед его лицом, затем заставила вытянуть руки и по очереди коснуться указательными пальцами кончика носа. Первый раз Никита справился, во второй задел щеку.

— Случайно вышло. Давайте ещё раз.

— Тошнота была? — спокойно спросила врач.

— Один раз, ага. Сейчас уже прошла.

— Голова болит?

— Терпимо.

— Когда садишься, кружится?

Никита помедлил. Инна Павловна получила ответ раньше, чем он открыл рот.

— Первые секунды немного, — признался пацан.

Врач убрала фонарик.

— На сотрясение похоже. Более серьёзную травму головы исключить нам нечем, поэтому сегодня лежишь и остаёшься под наблюдением, — выдала она своё заключение.

— Возле ворот я, если чё, спокойно могу сидеть. Там-то вообще вставать не потребуется, — попытался настоять пацан.

Я понимал, почему он рвался обратно в строй. Детдом успел вбить ему в голову простое правило: пока приносишь пользу, тебя терпят. Теперь Никита боялся, что двух бесполезных пацанов однажды выставят за ворота.

Элина сняла с ящика бутылку и сунула ему в руки.

— Пей и укладывайся. Можешь... ну, не знаю — трещины на потолке считать!

— Их восемнадцать, я уже посчитал. — Он улыбнулся, но тотчас поморщился от головной боли.

Никита всё-таки лёг, видя, что выгонять его или его друга никто не собирается.

Во дворе уже грохотали металлические стеллажи. Артём освобождал гараж для открытия отдельного радиоузла. Теперь мы могли хотя бы слушать передачи Маяка напрямую.

Артём притащил серый автомобильный аккумулятор и поставил рядом со станцией.

— Вчера проверял. Двенадцать и четыре десятых показывает.

— Для приёма хватит. Передачу пока включать не будем, заряд требуется беречь, — ответил Антенна.

Он присоединил короткие провода к клеммам, проверил полярность и закрепил контакты. Артём потянулся к переключателю, однако старик накрыл его пальцы ладонью.

— Сначала разворачиваем провод.

Артём протянул провод к вентиляционному отверстию и закрепил на крюке под потолком. Я вывел наружный конец, поднял его на старой пластиковой трубе и зафиксировал под крышей.

Через несколько минут станция была готова к использованию. Журналы лежали рядом, карту мы развернули на свободной поверхности и прижали углы гайками.

Антенна включил питание. В динамике прошёл плотный треск, затем из помех вынырнул далёкий голос.

— ...повторяю... северный проезд закрыт... группы принимаются после проверки...

Артём растерянно замер рядом со станцией. Антенна медленно повернул ручку настройки, убрал часть шума и записал время в журнал.

— Частота та же. Передача от Маяка. Сигнал здесь будет чуть послабее... — прошептал старик.

Я провёл пальцем по карте, где тянулись маршруты, даты и короткие пометки карандашом.

— Сегодня приводишь записи в порядок и отмечаешь наш район. Точное положение кооператива в общий журнал не заносишь. Координаты храним на отдельном листе у меня.

Антенна взял карандаш и обвёл несколько кварталов. Он подумал с минуту, а затем сказал:

— Для нормальной работы понадобится точка на крыше. Там приём будет всё-таки почище.

Пожелание было логичным, и я повернулся к Артёму.

— Найдёшь место на крыше?

— Не вопрос, — подтвердил он. — Скажете, что делать, Григорий Семёнович.

— Сергей прав — лучше называй меня по позывному Антенна.
Дмитрий вернулся от оружейного гаража.
— Всё готово, Элина составила список.
Он протянул мне ключи от арсенала, но я покачал головой.
— Держи их у себя.

Глава 9

Троица гостей находилась возле своего гаража. Борис сидел на корточках с перевязанной рукой, Илья раскладывал спальные, доставая их из рюкзака, а сам Ломов следил за воротами и время от времени поправлял куртку над оставленным ему пистолетом.

— Ты ещё с улицы сказал, что ворота у нас слабые. Покажи, что не так конкретно, — попросил я.

Ломов сразу направился к правой створке, однако остановился в двух шагах от неё. Хозяинничать во дворе я ему не предлагал, и эту границу он уловил правильно.

— Правая половина просела, — сказал он, показывая на нижний угол. — Сверху зазор почти ровный, а вот возле земли край уже цепляет бетон. Основная нагрузка сейчас сидит на нижней петле.

Я провёл ботинком под створкой. Подошва едва прошла возле правой стойки, тогда как у противоположного края оставался заметный просвет.

— Дальше, — сказал я.

— Засов стягивает створки только посередине. Машина войдёт сюда, ближе к правой половине. Нижний край уйдёт во двор, петлю вырвет, раму развернёт. Цепь останется висеть на погнутом металле и уже ничего не удержит, — пояснил свою логику Ломов.

Я задумался.

О том, что в ворота гаражного кооператива может врезаться автомобиль, я, признаться, раньше не думал. Теперь такой вариант уже не казался невероятным. Зэки или любые другие люди, решившие попасть внутрь, могли быстро найти машину и использовать её как таран. Ломов не преувеличивал. Мужик говорил дело.

— Какой машины хватит? — спросил я у него.

— При хорошем разгоне справится легковая. Проезд короткий, поэтому водитель получит один нормальный удар. Фургон или внедорожник сделает работу быстрее, — охотно пояснил Ломов.

По тому, как он говорил, я видел, что он действительно хочет помочь и указывает на реальные слабые стороны конструкции.

Павел услышал разговор и подошёл с монтировкой. Он несколько лет ставил ворота и металлические двери, поэтому чужое заключение принимать на веру не собирался. Вместе с ним подошёл Дмитрий, которому было интересно понять, чем мы занимаемся и почему стоим у ворот.

— Дима, надави-ка на створку изнутри, — попросил Павел. — Плавно только. Мне пальцы ещё пригодятся.

Дмитрий упёрся плечом в металл. Нижняя петля протяжно скрипнула, пластина отошла от стойки на несколько миллиметров, а из-под неё посыпалась бетонная крошка.

Павел завёл плоский конец монтировки между пластиной и стойкой, слегка качнул и присвистнул.

— Створка пока крепкая, рама тоже вполне себе живая. А вот крепление петли, да, уже расшатано. — Он задумчиво поскрёб макушку, формулируя мысли, и продолжил: — Анкеры короткие поставили. При сильном ударе пластина выйдет вместе с куском стойки.

— Сваркой можно залатать? — спросил я. — Успеем до темноты?

Павел посмотрел на петлю, затем провёл ладонью по бетонному столбу.

— Варить здесь почти не к чему. Потребуется полоса, сквозные отверстия и длинные болты... В общем, надо будет повозиться, Сергей. Сейчас можно только поставить распорку. Она примет часть нагрузки и даст створке шанс пережить первый удар.

Павел вынес своё экспертное заключение, не доверять которому не было оснований.

— Про калитку в воротах вы забыли, мужики, — донёсся голос Семёна Ивановича. — Видимо, решили оставить для гостей отдельный вход?

Старик подошёл к дверце в воротах и двумя пальцами раскачал засов, на котором эта самая дверца запиралась изнутри. Крепление заходило вместе с засовом, постукивая по металлу.

— Тут никакого тарана не надо, чтобы проникнуть внутрь. Взял ломик, он тут как раз снизу заводится свободно, — продолжил старик. — Потом один рывок — и аля-улю, паси гусей. Винты держатся на соплях, так что их укрепить тоже было бы не лишним.

Логично.

Спорить тут было не с чем. Старик был прав — стоило чуть ковырнуть засов ломом, и можно было вполне бесшумно проникнуть внутрь кооператива. Без экстрима в виде сноса ворот.

— Хорошо, делаем, — решил я.

Ломов слегка усмехнулся, явно довольный тем, что его совет оказался полезным. Павел же, наоборот, чуть смутился, в определённой степени чувствуя за собой вину. С его опытом и багажом знаний именно Павел должен был первым выразить обеспокоенность состоянием этих ворот.

Возле мастерской лежали две стальные трубы, которые Павел собирался пустить на навес. Каждая тянула килограммов на сорок, имела около трёх метров длины и сохранила на боках клочья старой зелёной краски.

Этими трубами можно было укрепить ворота и дать им шанс пережить первый удар.

Люди разошлись по задачам. Павел подошёл к первой трубе и показал Дмитрию на один край. Они понесли трубу вдвоём, тогда как вторую понесли мы с Ломовым.

Старик тоже времени не терял: принёс жестяную коробку с крепежом и инструментом.

Павел установил первый конец трубы под нижний угол правой створки. Труба встала под углом и приняла часть веса нижнего края. Павел выбрал из коробки толстый металлический уголок и подsunул его под конец трубы возле ворот. Под второй конец решили сделать что-то наподобие клина, иначе металл при ударе поехал бы по бетону.

Я нашёл доску, сходил за топором. Вернувшись, выстругал клин и начал забивать его между трубой и бетонным полом.

После каждого удара распорка приподнималась на несколько миллиметров. Когда металл плотно прижался к раме, Павел махнул рукой.

— Хватит, Серёг. Ещё пара ударов, и створку перекосит сильнее.

Ломов оценил получившуюся конструкцию и с довольным видом кивнул.

— При прямом ударе выдержит, — прокомментировал Павел. — Но вот если машину поведёт под углом, то створку поведёт в сторону.

Возражение было вполне убедительным.

Я посмотрел на вторую трубу, затем на основание левой стойки.

— Ставим её крестом. Нижний конец упираем слева, верхний заводим в раму правой створки. Тогда боковое смещение тоже поймает.

Через несколько минут конструкция была возведена и смотрелась вполне надёжно. Пришлось бы помучиться, чтобы её снести. Правда, и ворота теперь было не так просто открыть. И те же гружёные тележки из магазинов теперь будет проблематично завозить внутрь. Но было бы что завозить, а как это делать — поймём.

С калитки Семён Иванович уже снял старый засов. Артём принёс ему длинные болты, шайбы и дополнительную скобу.

— Верхнее крепление подожмём, вторую скобу поставим пониже, — объяснил старик. — Тогда, чтобы сломать засов, придётся изрядно попотеть.

— Калитка должна открываться изнутри быстро, — напомнил я. — Замуровывать двор точно не надо.

— Ну так и я ещё рассчитываю выйти отсюда при жизни, — хмыкнул старик.

И приступил к делу.

Вскоре дополнительное укрепление встало ниже старого засова. Артём несколько раз открыл и закрыл калитку, проверяя, не мешает ли усиление беспрепятственному открытию.

— Ход нормальный, — сообщил он.

Ломов провёл ладонью по воротам.

— Теперь другое дело, — заявил он.

Павел с Вадиком уже успели проверить ближайший ряд гаражей и вернулись, никого не обнаружив. Дежурный следил за проездом через щель у калитки, однако пространство за стоявшей напротив «Газелью» почти не просматривалось.

Семён Иванович, уже собиравший инструменты возле калитки, вдруг замер с отвёрткой в руке. Он повернул голову к щели между створкой и стойкой, затем спокойно поставил коробку с болтами на землю.

— Серёг, подойди сюда, — позвал он меня обычным голосом. — Кажется, мы одну мелочь пропустили.

Я присел рядом с ним и сначала сделал вид, что проверяю болты. Потом медленно сместился к узкому просвету в воротах. То, что старик позвал меня не просто так, я понял сразу.

С другой стороны, возле ржавой «Газели» со спущенными колёсами, мелькнула тёмная куртка. Человек прятался за кабиной и время от времени высовывался ровно настолько, чтобы видеть наши ворота.

Расстояние мешало разглядеть глаза, однако широкое лицо, рассечённую щёку и перевязанную кисть я узнал сразу. Тот самый зэк, который держал обрез возле люка...

— Знакомый? — тихо спросил Семён Иванович.

— Сегодня познакомились, — подтвердил я. — Он с друзьями приходил к Антенне.

— Можно взять его, — предложил старик. — Выйдем через пролом в стене и обойдём.

Я медленно покачал головой. Идея, озвученная Семёном Ивановичем, была заманчивой: я бы не отказался повязать зэка. Но нет — сейчас это было слишком рискованно.

— Пока откроем проход, он уйдёт. За одним разведчиком раскроем выход, — пояснил я. — Пусть лучше считает, что мы его не заметили.

— Он изучает ворота, — возразил старик.

— Поэтому надо продолжать работать, пока он ничего не заподозрил.

Не дожидаясь ответа, я отошёл от щели и заговорил громче, чтобы голос дошёл за пределы нашего кооператива и зэк услышал.

— Вадик, вон видишь, доски лежат? — Я кивнул на несколько деревяшек, которые действительно лежали неподалёку от ворот. — Убери их.

Вадик, тоже помогавший в укреплении ворот, удивлённо заморгал, не понимая, зачем мне вдруг понадобились эти доски.

— А нафига они нужны?

— Дождём намочит, потом сушить замучаемся, — ответил я первое, что пришло в голову.

А вот дальше, когда убедился, что зэк снаружи точно слушает, потому что я говорил громко, я сменил пластинку.

— Так, мужики, ну, ворота мы укрепили. Не уверен, что выдержат, если они надумают пойти на таран на каком-нибудь автомобиле. Но прямые удары выдержат точно, — сказал я.

Большинство с удивлением посмотрело на меня. Мы ведь как раз и укрепляли ворота для того, чтобы их не удалось взять, используя в качестве тарана автомобиль.

Никто, кроме меня и Семёна Ивановича, не знал, что в паре десятков метров от ворот поджидает гость. Ну и прямо сейчас знать им это было совершенно ни к чему.

А вот гостю было совсем не лишним услышать то, что только что сказал. Идеи, как правило, витают в воздухе. И пусть он меня за подброшенную идею не благодарит. Может, воспользуется ей благодарный слушатель?

Машина была опаснее, зато предсказуемее. Её мы услышим заранее, разогнаться она сможет только по прямому проезду, а первый удар укрепления должны выдержать. Куда хуже, если зэки решат подобраться ночью и тихо вскрыть калитку.

Вадик, пожав плечами, наконец начал таскать доски. Остальные продолжили заниматься своими делами. Всё происходило так, чтобы гость снаружи ничего не заподозрил.

Через несколько минут я снова посмотрел через щель. Зэк перебрался чуть ближе, веря в свою незаметность, и продолжил наблюдать за тем, что происходило возле ворот.

Кроме меня и Семёна Ивановича гостя не заметил никто. Вернее, никто, кроме Ломова. Мужик подошёл ко мне и с невозмутимым видом, как бы между делом, спросил:

— Кто там? Ты ведь явно на публику работал, Сергей.

— Один из зэков, — ответил я шёпотом.

Ломов помолчал, а потом предложил:

— Могу выйти через пролом и взять его. Он смотрит сюда, тыл почти не контролирует.

Судя по всему, Ломов тоже заметил незваного гостя, причём раньше, чем задал вопрос. И даже успел продумать возможный сценарий его задержания.

Предложение, как и предложение от старика, было заманчивым. Как минимум мы могли расспросить зэка-разведчика о планах его товарищей. Вернее, конкретизировать их, потому что сами планы заключённых были более чем ясны. Но минусы такого решения всё-таки перевешивали возможные плюсы. Потому я медленно покачал головой.

— Не стоит.

— Почему?

— Пропажа разведчика даст заключённым понимание, что мы готовы их встречать. Пусть лучше думают, что мы ничего не заподозрили, — пояснил я свою позицию. — А этот сейчас вернётся к своим и расскажет ровно то, что видел. Вернее, что мы позволили ему увидеть.

— Это ты потому озвучил про таран автомобилем? — Ломов чуть улыбнулся, поняв мой замысел.

Я тоже улыбнулся ему в ответ, но ничего не сказал.

Разведчик следил за воротами, считал людей и изучал укрепления. Одной аппаратурой они уже не интересовались. Теперь зэки присматривались ко всему кооперативу, и мне показалось, что Ломов понял это без моих пояснений.

Я вернулся к щели. Зэк уже уходил. Он пересёк проезд коротким рывком, спрятавшись за «Газелью» и спустя минуту исчез.

— Ушёл, — сообщил Семён Иванович, всё это время державший ухо востро.

— Торопится с докладом, — вздохнул я. — Похоже, что ближайшие сутки нам ждать незваных гостей.

Только теперь спохватились остальные, которые до того момента понятия не имели о том, что происходит за воротами и что нас пасут.

— А что случилось?

— Кто торопится с докладом?

Последовали вполне логичные вопросы. Я коротко объяснил людям, что произошло. Лица Вадика, Артёма и остальных начали меняться. Конечно, новости были далеко не самые приятные.

— Панику не поднимаем, но двор переводим в готовность, — предупредил я Дмитрия. — Передай дежурным, чтобы наружу никто не выходил. Ворота и калитку держим закрытыми.

— Сколько времени у нас есть? — Дима быстро сообразил, к чему всё ведёт.

— Столько, сколько ему потребуется добраться до своих и привести группу. Значит, они могут объявиться в любой момент. Заканчиваем с воротами и готовимся их встречать.

Дмитрий забрал коробку с инструментами и понёс её к гаражу мастерской. Павел ещё раз проверил обе трубы, Семён Иванович закрыл калитку на новый засов. Всё работало исправно.

Ворота мы усилили вовремя, чертовски вовремя. Честно говоря, я считал, что в запасе у нас будет ещё несколько дней. Но теперь становилось очевидно, что атака может произойти в любой момент.

Я перехватил Лену возле внутренней двери, показал ей на Линду и Лизу, которые сидели в глубине нашего жилого гаража.

— Уводишь их в здание администрации, Вика пусть идёт с тобой. Берёте воду, паёк, чтобы было что перекусить, дверь запираете изнутри, — распорядился я.

Я подметил, что выражение лица Лены несколько не поменялось, как будто она была в курсе того, что я говорю. Потому вместо удивлённых «зачем» и «почему» Лена лишь вздохнула.

— Лиза уже заметила новых людей, — тихо призналась мне Лена. — Насколько это серьёзно?

— Я пока не знаю, но думаю, всё будет хорошо, — ответил я.

Будет ли что-то хорошо, я, разумеется, не знал, но Лене этого знать было совершенно ни к чему. Её задачей сейчас было взять с собой людей и запереться в кирпичном административном здании гаражного кооператива. Ну а чтобы было всё хорошо — это уже наша задача.

— Я поняла, Сергей, — с какой-то грустью в голосе сказала она и, подняв на меня взгляд, посмотрела прямо в глаза. — Мой муж останется с тобой?

— Он нужен при обороне, — подтвердил я. — У нас не так много людей.

Больше Лена ничего не спрашивала — понимала, что так надо.

Лена позвала Вику. Линда прижала к груди рюкзачок, а Лиза встала первой и внимательно посмотрела на меня.

Я поднёс к губам указательный палец и следом показал большой палец. Все разговоры — потом.

Лиза всё поняла, взяла Линду за запястье и повела девочку с собой, пока Вика несла канистру, а Лена закрывала за ними дверь.

Из медбокса вышла Инна Павловна с тазом использованных бинтов. Она увидела, как Лена поворачивает ключ, поставила таз возле стены и сразу спросила:

— Сколько у нас времени?

Я пояснил женщине, что будет происходить, возможно, уже в ближайшие часы.

— Переносить больных сейчас опаснее, — заключил я. — Поэтому медбокс закроем снаружи. Один ключ останется у Элины, второй — у Дмитрия. Если придётся выводить людей, они откроют дверь.

Инна Павловна не стала спорить.

— Никита снова пытался подняться, — сообщила она и взглянула в открытый бокс. — Он меня съест, если я его оставлю вне ваших войнушек.

Я не успел ответить, потому что со стороны медбокса раздался голос пацана.

— Я могу подавать патроны, дядь Сергей. — Никита стоял в проёме, держась одной рукой за стену гаража. — Для этого голова почти не нужна.

— Тебе она понадобилась, чтобы придумать эту глупость, — возразил я. — Я ценю твой порыв, пацан, но тебе надо прийти в себя.

— Дядь Сер... — попытался возразить он.

— Это не обсуждается, — отрезал я. — Да и за остальными больными и Инной Павловной кто-то должен присматривать?

Папан улыбнулся краями губ. Вот такой подход ему уже явно понравился. Свободной рукой он чуть приподнял край своей футболки, там из-за пояса торчала рукоятка ножа.

— Я присмотрю, дядь Сергей, слово папана даю, что с их голов ни одного волоска не упадёт!

Инна Павловна, увидев нож, всплеснула руками.

— Вот паршивец, ты на него только посмотри! А я искала, куда нож подевался, а этот умник его уже прикарманил.

Никита довольно хмыкнул. Для папана было принципиально не остаться в стороне, когда придут зэки. Никита вместе со своим другом натерпелись от них сполна. Так что желание у папана было более чем понятным.

— Я так и знал, что дружки этих уродов сюда сунутся. — Он зло сплюнул себе под ноги и растёр плевков подошвой кед.

Я предупредил Инну Павловну, что бокс закроют снаружи, а ключи останутся у Элины и Дмитрия. Врач тяжело вздохнула — я прекрасно видел, как ей тяжело, хоть женщина и не подавала виду.

Следом я нашёл Элину и коротко обозначил, что происходит. Девчонка кивала, внимательно слушая каждое сказанное мной слово. Я же поймал себя на мысли, что ещё какую-то неделю назад, до того, как началось всё это дерьмо, Элина попросту завалилась бы в обморок. Но сейчас она стала твёрже, и на её лице не было совершенно никаких эмоций.

— Прямо сейчас выдай Лене воды и паёк, часть отнеси в медбокс к Инне Павловне. Не знаю, сколько они там просидят закрытые.

Тут Элина задумалась.

Я предупредил девчонку, что после того, как она выдаст воду и еду, понадобится выдать оружие нашей троице гостей.

— Уверен, что это стоит делать, Сергей? Я почему-то им не доверяю.

— Их может прийти около двух десятков, а у нас мало людей, умеющих стрелять. Оружие они получают на позициях, патроны — после инструктажа. Командовать ими будем мы.

Ломову я пока не доверял. Поэтому и собирался использовать его опыт, сохранив оружие, патроны и командование под своим контролем.

Элина тотчас отправилась выполнять распоряжение. Я же обернулся и увидел перед собой Ломова.

— Правильное решение, командир. Я и мои люди при защите кооператива лишними точно не будем, — сказал он.

— Оружие получите. Вместе с оружием получите позиции и приказы.

Ломов чуть прищурился.

— Мы умеем воевать, Сергей.

— Тогда проблем с выполнением приказов возникнуть не должно.

Несколько секунд он смотрел на меня, затем кивнул.

— Справедливо.

Я позвал Дмитрия и велел собрать во дворе всех, кто мог участвовать в обороне. Долго ждать не пришлось. Павел и Семён Иванович подошли от ворот, Артём оставил инструменты возле мастерской, Антенна вышел из своего гаража. Илья остался рядом с Ломовым, а Борис поднялся с ящика, придерживая перевязанную руку.

— Один из зэков наблюдал за воротами и ушёл к своим, — сообщил я. — Значит, в ближайшее время они могут прийти сюда всей группой. С этого момента наружу никто не выходит. Калитку и ворота открываем только по моей команде. Стрельбу начинаем при попытке прорыва или после моего приказа.

Я показал на Дмитрия.

— Если меня рядом нет, слушаете его. Это касается всех.

Мой взгляд остановился на Ломове и его людях.

— Вас тоже.

— Услышали, — спокойно ответил Ломов.

— Павел и Семён Иванович отвечают за ворота и калитку. Артём остаётся возле мастерской и помогает им с инструментом. Антенна остаётся у станции и следит за подходом со стороны дальнего ряда. Остальным сейчас выдам позиции.

Люди начали расходиться, а Дмитрий направился к оружейному гаражу. Элина уже ждала возле двери с раскрытой тетрадь.

— Записывай всё, что выдаём, — велел я. — После тревоги оружие вернётся на место.

Дмитрий вынес автомат Ломова, магазины к нему, затем пистолет Ильи и патроны. Оружие он разложил на капоте своей машины.

Илья сразу потянулся к своему пистолету, однако Дмитрий накрыл магазин ладонью.

— Сначала получишь позицию и правила огня.

— С оружием я обращаться умею, — сухо ответил Илья.

— Здесь хватает людей, которые умеют стрелять, — сказал я. — Мне нужны люди, которые выполняют команды.

Илья убрал руку.

Я передал Ломову автомат и один магазин.

— Заряжаешь на позиции. Оружие держишь на предохранителе. Огонь первым не открываешь.

Ломов проверил затвор и кивнул в сторону Бориса.

— Отдайте ему ружьё. За укрытием он справится и с одной рукой.

Инна Павловна услышала его и вышла из медбокса.

— С первым выстрелом справится. Потом попробует перезарядиться, разорвёт швы и снова окажется у меня.

— Он воевал с ранами хуже этой, — возразил Ломов.

— Значит, должен понимать, чем заканчивается глупость после ранения, — отрезала Инна Павловна.

Борис посмотрел на перевязанную руку, затем на ружьё, остававшееся в гараже.

— Ладно. Дайте задачу, для которой хватит одной руки.

— Сядешь за бетонным блоком возле правой створки, — решил я. — Оттуда виден проезд. Считаешь людей, отмечаешь оружие и докладываешь обо всех перемещениях.

— Занимаешь участок от калитки до синего бокса, — сказал я Илье. — Команды получаешь от Дмитрия. Огонь открываешь при попытке прорыва или по его приказу.

Только после этого Илья забрал пистолет и патроны.

Ломов повернулся к нему.

— Переходи ближе ко мне. Если пойдут через западный проход, вдвоём удержим угол.

— Илья остаётся у калитки и работает с Дмитрием, — перебил я. — Позиции здесь назначаю я.

Ломов медленно перевёл взгляд на меня. Автомат оставался у него в руках, магазин он держал отдельно.

Пауза затянулась.

— Слышал Сергея, — сказал он наконец Илье. — Работаем по его команде.

Илья кивнул и ушёл к своей позиции.

Самому Ломову я указал на правый угол возле ворот. Оттуда он мог видеть часть проезда и Бориса за бетонным блоком.

Через несколько минут люди заняли свои места. Во дворе всё стихло. Ворота держали две стальные трубы, калитка теперь запиралась на усиленный засов, а оружие находилось у тех, кому я решил его доверить.

Я обвёл взглядом двор.

— До моей команды никто не стреляет. Сначала узнаем, сколько их пришло и чего они хотят.

Со стороны проезда донёсся далёкий рёв двигателя. Ломов тотчас повернул голову к воротам.

— Похоже, твою идею уже слышали.

Глава 10

Рёв двигателя оборвался за соседним рядом гаражей. Несколько секунд там ещё дребезжало железо, потом всё стихло. Ломов уже стоял у стены рядом с воротами, чуть повернув голову к узкому просвету между листами металла.

— Машина одна, — тихо сказал он. — Но людей явно больше.

— Сколько?

— Человек восемь точно есть. Ещё двое остались у машины, остальные растянулись вдоль забора, — доложил Ломов.

Я показал Павлу на площадку справа, где лежали мешки с песком и стояла тележка, которые не так давно притащили из супермаркета. Он увёл туда двоих. Вадика отправил к боковому проходу, а сам подошёл к воротам и остановился в шаге от створок.

Снаружи слышались неторопливые шаги. Кто-то провёл ладонью по металлу, словно проверял толщину листа. Потом в ворота трижды постучали костяшками пальцев.

— Хозяева есть? — спросил мужской голос. — Поговорить хотим.

— Говорите, — ответил я.

За воротами переглянулись. Я услышал шорох подошв и короткий шёпот.

— Через железо разговор выходит какой-то негостеприимный, — последовал ответ.

— Зато безопасный, — возразил я и уточнил: — Для обеих сторон.

В ответ засмеялись. Смех быстро оборвался, и к воротам подошёл тот, кто говорил.

— Нас четверо. Идём с юга, от промзоны. Машина встала, до темноты далеко уже не уйдём. Нужен ночлег, вода и возможность поговорить по-человечески.

Ломов поднял ладонь и загнул уже девятый палец. Я кивнул ему и вернул внимание на говорившего.

— Как зовут?

— Виктор.

— Фамилия у тебя какая, Виктор?

— Тебе, может, паспорт показать? — Как показалось, мой новый знакомый ответил с раздражением.

— Можешь начать с фамилии, — спокойно возразил я.

Виктор по ту сторону помолчал.

— Кривцов.

— Откуда вышли, говоришь?

Ответ мужика стал для меня неожиданным. Потому что Виктор не стал ничего скрывать.

— Из колонии, — последовал прямой ответ.

— Из какой?

За воротами снова зашевелились. Кто-то отошёл в сторону, и Ломов едва заметно повёл глазами влево.

— Далеко отсюда, — ответил Кривцов. — Теперь уже никакой разницы нет. И нет больше этого дерьма.

— Номер колонии какой? — повторил я, не особо впечатлившись его объяснениями.

— Слышь, ты воду, может, лучше продашь или будешь и дальше протокол составлять? Из СИЗО мы, чё дальше... — ответил он, снова раздражаясь.

Вообще было такое впечатление, что ему совсем не хотелось со мной разговаривать. Но что-то вынуждало Виктора это делать. Что? Нежелание терять людей и рисковать — я был практически уверен в этом. Беглецы явно были не прочь захватить кооператив бескровно.

Ну а насчёт номера колонии — хотелось понять, на каком режиме чалились эти люди. Косвенно это указывало, как далеко они смогут зайти в своих начинаниях. И будут ли они врать?

Как выяснилось — будут.

Я знал, что вся эта компашка дёрнула из-за стен строгого режима. Передо мной за воротами были люди, отбывавшие срок по тяжёлым статьям. Впрочем, ввали «гости» не только по части номера колонии.

— Воду я даю тем, кто отвечает на вопросы, — ответил я после продолжительной паузы. — Пока вы врётё уже со второго предложения.

Снаружи стало тихо. Даже люди, стоявшие дальше, перестали ходить. Кривцов несколько раз провёл пальцами по воротам, и металл едва слышно заскрипел.

— Где я соврал?

— Вас больше четырёх. Машина исправна. От промзоны сюда ведёт прямая дорога, однако вы подъехали через гаражи. Ночлег вам тоже не нужен, солнце сядет через четыре часа.

Ломов загнул десятый палец и коротко указал на соседний гараж у забора. Там осторожно, но вроде отчётливо, прошуршала подошва чьей-то обуви.

— Ладно, — сказал Кривцов. — Допустим, нас немного больше. Времена сейчас нервные. Люди любят стрелять раньше, чем спрашивать.

— Значит, вы привели толпу к закрытым воротам и решили проверить, насколько мы спокойные?

— Мы просто хотели познакомиться. И воды купить.

— Познакомились. Воды получите две канистры. Поставите пустые перед воротами, отойдёте к машине, потом заберёте полные, — озвучил я свою позицию.

Я прекрасно понимал, что по ту сторону ворот блефуют. Просто тянул время, хотя бы для того, чтобы получить больше ясности — сколько эков за воротами и как они хотят провести штурм. Так-то я всегда за диалог, но в данном случае он был обусловлен неуверенностью эков, что штурм пойдёт без сучка и задоринки.

— А переночевать пустите? — промурлыкал Виктор.

— Здесь нельзя.

— Почему?

— Потому что времена непростые, как ты сам сказал, и люди у меня тоже нервные, — пояснил я.

Кривцов шумно выдохнул. Рядом с ним кто-то пробормотал несколько слов, и он резко велел тому заткнуться.

— Слушай, Сергей, — произнёс он уже другим тоном, даже не став лукавить, что ему приятно познакомиться. — Мы целый день в дороге. Люди устали. Давай откроешь калитку, выйдешь, посмотрим друг на друга и решим всё спокойно.

Ломов перевёл внимательный взгляд на меня. Имени я им не называл. Во дворе за моей спиной кто-то тихо снял оружие с предохранителя.

— Откуда знаешь, как меня зовут?

— Слышали, — самодовольно хмыкнул Виктор. — Мир тесный.

Кривцов опять взял паузу. На этот раз она затянулась. За воротами кто-то осторожно спросил:

— А девчонка у вас живёт? Молодая, светлая такая.

Я посмотрел на Ломова. Он чуть качнул головой и показал два пальца в сторону подъезда к кооперативу. Ещё двое двигались вдоль стены, стараясь идти в тот момент, когда говорил Кривцов.

— Девчонок у нас хватает, — ответил я. — Вы какую ищете?

— Родственницу. Одного нашего человека, очень нами уважаемого.

— Как зовут родственника?

— Сам спроси, когда откроешь. Как-то некультурно с людьми разговаривать через забор.

— Особенно когда люди к тебе пришли с добром, — к Виктору присоединился ещё один переговорщик, разговаривавший низким басом.

Кривцов провёл ладонью по створке. Его терпение заканчивалось быстрее, чем список ответов.

— А ещё, Сергей, помимо девочки, нас интересует Антенна, — вдруг сказал он. — Вопросы к нему есть.

Кривцов отступил от ворот. Голос его стал громче, чтобы слышали люди во дворе и те, кто прятался вдоль забора.

— Хорошо. Хватит этой игры. Выводишь Лизу, Антенну и отдаёшь рацию. После этого мы уезжаем. Ворота, припасы и ваши люди нас не интересуют.

Я повернулся к Ломову.

— Сколько теперь?

— Двенадцать, — сходу ответил тот. — Может, тринадцать. Один ползает по крыше, считает наши позиции.

Кривцов услышал, что мы о чём-то переговориваемся, и ударил кулаком по воротам.

— Ты меня понял, Сергей?

— Понял. Получите две канистры воды и уйдёте.

— Воду себе оставь. Я предлагаю решить всё спокойно.

Быстро они, конечно, переобулись из формата «сами мы не местные» в формат «делай, что я говорю».

— Спокойное решение я уже назвал, — ответил я.

— Тогда послушай, что будет дальше. Мы найдём сами. Лизу найдём, Антенну найдём, рацию тоже. Тебя я оставлю напоследок и сломаю обе руки. Отдельно каждую, чтобы ты успел почувствовать разницу.

Кривцов снова подошёл к воротам, прижавшись к металлу почти вплотную.

— Последний раз предлагаю открыть.

— А я последний раз предлагаю уйти без потерь. Людей-то не жалко?

Последовал хлопок ладонью по воротам. Виктору моё предложение явно не понравилось.

— Ты за чужую девку всех своих положишь?

— Ты пришёл к моим воротам с вооружёнными людьми. Лиза здесь уже ни при чём.

Несколько секунд Кривцов молчал. Потом ещё дважды хлопнул ладонью по воротам и отошёл. С дальнего конца подъезда к гаражам ему ответил одиночный свист.

Ломов резко повернул голову.

— Заводят машину, — предупредил он.

Двигатель взревел сразу на высоких оборотах. Машина стояла совсем близко, скрытая за поворотом.

Я поднялся на перевёрнутую тележку и выглянул через щель над воротами. Из-за бетонного угла медленно выползла белая кабина. Передок закрывала сваренная из швеллеров рама, усиленная поперечными пластинами. На лобовом стекле висел металлический щиток с узкой смотровой прорезью.

Неплохо они придумали. Просто выстрелить и снять водителя здесь не получалось при всём желании. Но даже за такой бронёй я узнал водителя.

— Тот самый разведчик, — шепнул я.

Ломов встал рядом и тоже посмотрел наружу.

— Быстро они учатся, — хмыкнул он.

— Плохо учатся. Передок усилили, а двигатель нет, — ответил я.

Автомобилем была «Газель» — машина вырулила в проезд и остановилась метрах в сорока от ворот. Водитель несколько раз нажал на газ, показывая серьёзность намерений. Машина резко дёрнулась вперёд, потом снова замерла.

Кривцов отошёл к ней на несколько шагов и крикнул:

— Видишь, Сергей? Ворота всё равно откроются. Сейчас у тебя есть возможность сделать это самому. И, чёрт возьми, договориться!

Я ничего не ответил — разговаривать уже было особо не о чем.

Кривцов, не дождавшись ответа, повернул голову к кабине и поднял руку. Двое его людей сразу отделились от группы. Один нёс короткий лом, второй держал свёрнутую цепь.

— Обход справа, — сообщил Ломов. — Двое.

Я это сам прекрасно видел и прыгнул с тележки.

— Зайди им во фланг со своими, — бросил я.

Ломов махнул двум своим мужикам и быстро ушёл вдоль внутренней стены. Я подозвал Павла и указал на «Газель».

— Когда пойдут на разгон, стреляй по колёсам и двигателю. Водителя всё равно не достанешь.

— А ворота выдержат? — настороженно спросил он.

Я посмотрел на створки. Первый удар металл пережил бы. А вот дальше начиналась лотерея.

— Один раз выдержат, — честно сказал я. — Второй раз мы им уже не дадим.

Кривцов снова подошёл ближе. За его спиной люди разошлись по обеим сторонам проезда, освобождая машине путь.

— У тебя минута! — крикнул он. — Открываешь ворота, выводишь Антенну и девку и кладёшь рацию на землю. Тогда разойдёмся спокойно.

— Ты уже обещал сломать мне руки, — напомнил я. — Или за базаром не следишь, Виктор? Подходи к воротам один, я пушу тебя внутрь и поговорим, — озвучил я заведомо неприемлемое для бывших заключённых предложение.

Кто-то возле «Газели» рассмеялся. Кривцов резко обернулся, и смех оборвался.

— Борзый, когда за железом прячешься, да, Сергей?

— Проверь. Но я тебе на секундочку напомню, что на звук сюда стянется половина района. И мы-то спрячемся, а вот вас разорвут на куски.

Я думал, что изо рта Виктора польётся куча дерьма и угроз. Но он лишь постоял несколько секунд, глядя на ворота, потом медленно поднял руку. Двигатель «Газели» взревел ещё громче. Машина качнулась на подвеске и начала сдавать назад, выбирая место для разгона.

Со стороны калитки донёсся голос Павла, который не выдержал напряжения:

— Стоять! Ещё шаг, и останетесь здесь до утра!

Ответом послужил звон цепи и громкое ругательство. Я показал Павлу два пальца, затем указал на левое колесо машины. Стрелки заняли позиции за мешками и бетонными блоками.

Кривцов отступил к стене, освобождая проезд.

— Открывай, Сергей! — крикнул он. — Потом будет поздно! Десять секунд у тебя осталось.

Ему я уже ничего не ответил. Вместо этого оглядел своих.

— Всем приготовиться.

«Газель» остановилась в дальнем конце проезда. Водитель выравнивал её, несколько раз повернул руль и включил передачу. Кривцов смотрел на меня через щель между створками, хотя увидеть мог только темноту.

— Последний шанс! — крикнул он.

Я положил ладонь на рукоять автомата.

— Я уже тебе ответил. Если тебе мало острых ощущений — поехали.

Водитель «Газели» смотрел через узкую щель в стальном щитке. Двигатель взревел. Машина дёрнулась вперёд, просела на заднюю ось и начала набирать скорость, тяжело переваливаясь на разбитом асфальте. Укреплённый передок гулял перед кабиной, сварная рама заметно тянула морду вниз, однако водитель продолжал давить на газ.

Что ж, эки выбрали пойти ва-банк...

Я смотрел на приближавшуюся кабину. За щитком мелькали только лоб и часть щеки, всё остальное закрывал металл.

— Огонь не открывать. Пули уйдут в щиток, рикошеты полетят по проезду, и через секунду стрелять начнут все. Пусть доезжает, — распорядился я.

Стрелять в ехавшую «Газель» даже по колёсам значило расточительно использовать имеющийся запас патронов. А вот стрелять по статичной мишени — совсем другое дело.

— Ворота жалко, — шепнул Павел.

До ворот оставалось метров двадцать. «Газель» шла быстрее, чем позволяли её подвеска и перегруженный передок. Правое колесо подбросило на выбоине, кабина качнулась, водитель дёрнул руль и выровнял машину слишком поздно. Удар пришёлся в правую створку, ближе к нижней половине.

Металл грохнул так, что у меня заложило уши. Молчуны наверняка услышали и, шепча своё «тише», уже двинулись к нашему кооперативу.

Створка вогнулась внутрь, металлические трубы с трудом, но всё-таки выдержали. Всё-таки конструкция получилась на загляденье.

— Не стрелять без моей команды! — крикнул я.

Из стены брызнула крошка, нижняя петля вырвала часть крепления и отошла от бетона на ладонь, однако края ворот остались сцеплены.

«Газель» приняла удар всей мордой. Усиленная рама вдавилась в капот, капот сложился домиком, решётка исчезла под металлом. Под машиной сразу растеклась тёмная лужа, затем из-под смятого передка ударил пар. Лопнувший радиатор зашипел, левое колесо вывернуло наружу, и машину повело боком.

Водитель ещё держал газ. Повреждённая рулевая тяга не дала ему выправиться, «Газель» развернуло поперёк проезда и швырнуло правым бортом к гаражной стене. Кабина остановилась под углом, двигатель захлебнулся, зато гудок заклинило. Он взревел непрерывно, ровно и оглушительно...

И вот это было, пожалуй, куда хуже разового громкого удара.

Несколько секунд во дворе никто не двигался. Потом Павел выскочил из-за мешков, добежал до правой створки и присел возле нижней петли. Я подошёл к нему, придерживая автомат у груди.

— Что с воротами?

— Держат. Створку повело, нижнее крепление вырвало частично, — быстро прокомментировал Павел.

За воротами уже орали на водителя, требуя сдать назад. Стартер несколько раз провернулся, двигатель кашлянул и снова заглох. Один из эков подбежал к кабине, другой упёрся плечом в борт, третий полез смотреть под машину. Колесо стояло поперёк, пар продолжал валить из-под капота, а гудок перекрывал все команды.

Эки были жестокими людьми, тут спорить было не с чем. Однако даже невооружённым взглядом было видно, что они растерялись, когда их план пошёл по наклонной. Прямо сейчас ничего не стоило открыть огонь и выкосить тем самым половину из них.

Павел это понял и тотчас вскинул автомат, собираясь открыть огонь. Его примеру последовали остальные, но прежде, чем грохнул первый выстрел, я вскинул руку.

— Не стрелять! От ворот отошли, кому говорю!

Гудок продолжал реветь. Он забивал шаги, голоса и скрежет инструмента, которым зэки пытались отогнуть капот. Виктор метался между кабиной и воротами, размахивал руками, потом схватил одного из своих за куртку и ткнул пальцем под смятый передок.

— Лезь к аккумулятору! Снимай клемму, пока эта дрянь всех сюда не собрала!

Он это понял.

Понял, что будет дальше, когда они у закрытых ворот гаражного кооператива, а клаксон вовсю орёт.

Дальше не будет ничего хорошего... учитывая, что прямо сейчас сюда стягивались молчуны. Это была чёртова ловушка, которая сработала на этих слишком самоуверенных идиотов. Я собирался решить эту проблему, не тратя патронов и не подвергая опасности своих людей.

Молчуны уже появились за спинами зэков, которые лихорадочно пытались добраться до автомобильного аккумулятора.

— Идут, сука! — завопил кто-то из зэков, завидев тварей.

— Клемму снимай, иначе я тебя выпотрошу, — зарычал Виктор, перекрикивая рёв клаксона.

Молчуны бежали к воротам, до которых оставалось метров сто. Когда я говорил про полрайона, я ничуть не преувеличивал. Тварей было столько, что рябило в глазах.

Виктор, понимая, что произойдёт через несколько секунд, выпучив свои безумные глаза, сам бросился к «Газели». Отбросил своих людей, пытавшихся снять клемму, и сам добрался до аккумулятора.

Миг.

И вой клаксона прекратился.

Молчуны, которые со всех ног неслись к воротам кооператива, сразу остановились как вкопанные. Источник звука пропал, и у них сбился ориентир. Зэки тоже замерли, хотя многие из них уже приготовились встречать тварей выстрелами.

Получалась картина маслом.

Ворота кооператива, выдержавшие тяжёлый удар автомобиля-тарана, не давали зэкам зайти внутрь, на что они наверняка рассчитывали. Сами зэки — напротив ворот, а орда молчунов — с другой стороны.

Теперь любой звук мог спровоцировать движение лавины тварей, которая бы попросту стёрла в порошок заключённых. Разумеется, зэки не собирались издавать этот звук.

А вот я...

Я встал на тележку, поднимая руку с пистолетом и направляя ствол на Виктора, стоявшего ко мне спиной.

— Ну что, Вить, по ходу, хреновы твои дела? А теперь и поговорить по-нормальному можно, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.